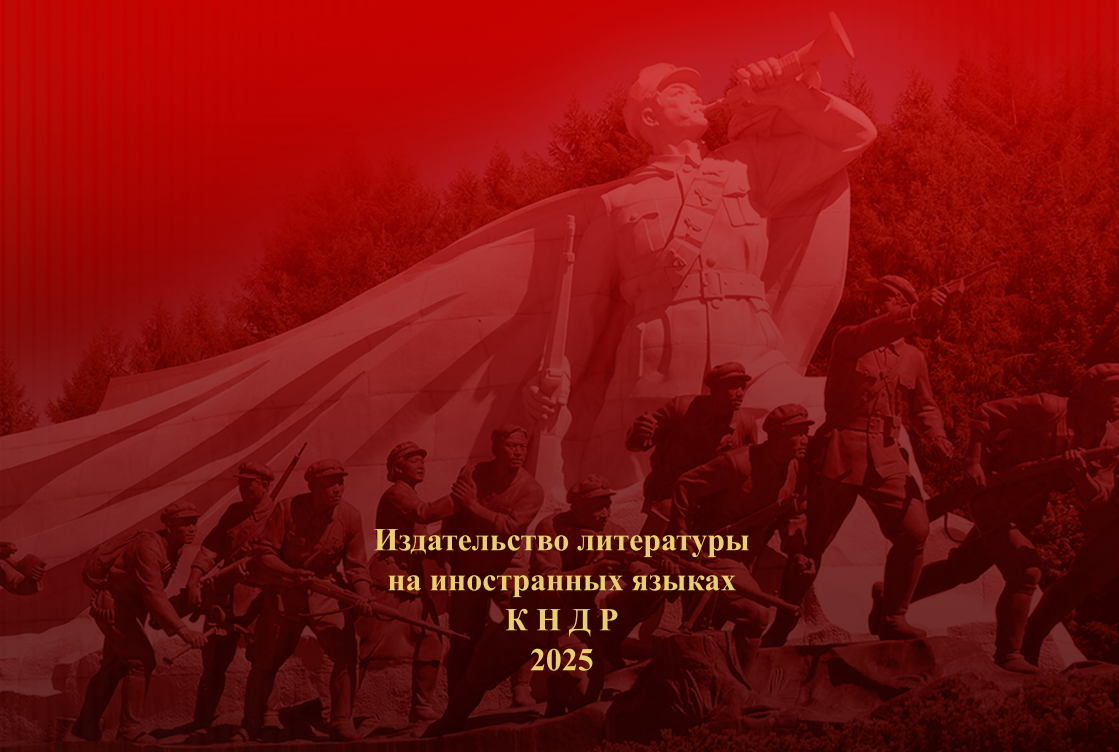
Силой любви и доверия



Издательство литературы
на иностранных языках
К Н Д Р
2025

Силой любви и доверия

Издательство литературы
на иностранных языках
К Н Д Р
2025

Предисловие

Раньше Корея была под сапогом японских захватчиков. Страна утренней свежести лишилась своей государственной суверенности, люди, объятые горем, жили в горьких слезах.

Молодые патриоты встали на борьбу, но правильный выбор им был дан не легко, не сразу. Стать на верный путь помог им великий Ким Ир Сен. Он доверил им как своим товарищам, окружал их сердечной заботой и вниманием, выковал из них достойных борцов, прославленных храбрецов.

Они, вдохновленные величием Ким Ир Сена, своей кровопролитной борьбой принесли Родине и народу радость освобождения от японской оккупации.

В суровые годы борьбы против империалистов Японии они всеми фибрами души осознали истину: только кимирсенское руководство приведет к освобождению Родины. Дни жарких боев воспламеняли их сердца любовью к своей Родине, своему народу, любовью к человеку, растили их непреклонными борцами, готовыми отдать всего себя самому священному делу – делу независимости, освобождения, свободы Отчизны и народа.

В те дни ими, первой плеядой корейских революционеров, сложились традиции единства революционных рядов, сплоченных вокруг вождя, которые и ныне являются самой большой гордостью нашего народа, истоком всех его побед.

Содержание

Первый начальник штаба революционных вооруженных сил ····4

Знаменитый военачальник и янтарный мундштук ····17

От «паренька-невесты» до отважного командира ····29

Человек малословный, но заметный ····38

Командир с обликом воина регулярной армии ····47

Возвращенная любовь ····56

Вера в освобождение Родины ····62

Семь слогов, оставленные в последние минуты жизни ····69

Первый начальник штаба революционных вооруженных сил

25 апреля 2022 г. в Пхеньяне, в столице КНДР, проходил торжественный военный парад, посвященный 90-летию создания Корейской Народно-революционной армии (КНРА).

Прекрасные фейерверки салюта на ночном небосклоне. Внушительные колонны парада на площади… Зрители обрисовывали перед собой отряд молодых бойцов Антияпонской народной партизанской армии (впоследствии АНПА переформирована в КНРА), которые 90 лет назад, в мае мощной поступью шествовали в уездном центре Аньту.

Тогда их число составило всего лишь немногим более чем 100 человек. Они с развевающимся красным флагом совершили парадный марш. Трубили трубы, гремели барабаны, величаво двигались колонны парада. Высыпали на улицу люди – не только жители, но даже офицеры и солдаты китайских антияпонских отрядов в Аньту. Аплодировали с приветствиями и поздравлениями, торжественно вздымая вверх большой палец.

В рядах партизанского отряда стоял молодой человек по имени Чха Гван Су (5 апреля 1905 – 30 октября 1932 гг.) – первый начштаба Антияпонской народной партизанской армии (АНПА). Это были первые революционные вооруженные силы нашего народа.

И ныне корейцы с теплотой души и чувством уважения воспоминают о нем. В своих мемуарах «В водовороте века» Ким Ир Сен пишет:

«Когда я вспоминаю годы жизни в Гирине, перед моими глазами всплывают вереницею незабываемые лица. И в первом их ряду всегда вижу Чха Гван Су».

Человек в очках для сильно близоруких, под которыми блистали глаза, ходил, чуть наклонив голову набок, – таков был молодой теоретик Чха Гван Су. Ему было дано прозвище «шустрый и деятельный парень» за его характер.

Он родился в бедной крестьянской семье в уезде Рёнчхон провинции Северный Пхёнъан. С детства слыл он среди сельчан мальчиком умным, догадливым. Еще подростком он переправился в Японию и учился там, конечно, в тяжелых условиях без всякой материальной поддержки.

Именно в этот период он стал читать марксистско-ленинскую литературу с симпатией к коммунизму. Но в теоретических разработках, с которыми он ознакомился, не были выяснены идейно-теоретические вопросы о национально-освободительном движении в колониальных странах.

Парень в поисках правильной линии борьбы и руководителя, которые дали бы ему силу и надежду, в середине 1920-х годов покинул Японию и исколесил много районов. Встречался с многими, кто выдал себя за «большого знатока», но они оказались пустословами – их не интересовал актуальный вопрос о национальном освобождении.

Разочаровавшись в этом, он отказался от всех своих надежд и направился в Люхэ. Решил быть простым учителем в деревне. Там он познакомился с Чвэ Чхан Гором, который в то время был одним из членов «Союза свержения империализма» (ССИ), созданного Ким Ир Сеном. Он предложил Чха поехать в Гирин и встретиться там с Ким Ир Сеном – новым руководителем молодежного движения.

Прибыв в Гирин, он пошел в Дом христианской моло-

дежи, где должен был выступать Ким Ир Сен с публичной лекцией. Любопытный Чха решил послушать лекцию, чтобы «зондировать» молодого лидера.

И, наконец, перед публикой появился лектор, чьи незаурядные личные качества, не свойственные простому ученику средней школы, вмиг очаровали Чха Гван Су. Лекция, не простая, а общедоступная, с глубиной содержания и логической стройностью, – полностью овладела его сердцем. Молодой слушатель не мог скрывать свою подавленность и восхищение услышанным. Он был убежден, что его приезд в Гирин не был напрасным.

Да и то было понятно. Его коллеги в шутку о нем говорили: «У тебя в голове словно сидят несколько Марксов и Ленинов». Так высоко оценили они его теоретическую подготовленность. А он весь очарован Ким Ир Сеном, который младше его на семь лет.

После своего выступления Ким Ир Сен встретился с Чха Гван Су и побеседовал с ним о многих вопросах. Собеседник незаметно для себя втянулся в его рассказ, проникнутый скромностью и эрудицией, и начал испытывать, что постепенно начинается колебаться его самолюбие.

Ким Ир Сен, выражая, конечно, свою симпатию к теории марксизма-ленинизма, признанной в то время в международном коммунистическом движении, относился к ней с творческой позиции в увязке с реальной действительностью в Корее, превращенной в колонию. В голове Чха Гван Су молнией блеснула мысль: «Да, он такой незаурядный человек, с которым я никогда не могу сравнить себя! Я остался до сих пор просто книгоедом».

Собеседник вдруг ушел от него куда-то, не сказав куда.

Через несколько дней он, откуда ни возьмись, снова появился перед Ким Ир Сеном и сказал ему: «Извини, за это время я немножко познакомился с Гирином», – и ни с того ни с сего задал вопрос: «Каково у тебя мнение по вопросу о союзе с националистами?»

Надо сказать, что в то время внутри коммунистического движения шли острые дискуссии по вопросу о союзе с националистами. Было резонно: вследствие вероломства Чан Кайши, сорвавшего сотрудничество Гоминьдана и Компартии, китайская революция вступила в период временного спада.

Внутри международного коммунистического движения даже появились люди, которые, подчеркивая необходимость извлечь урок из практики китайской революции, ударились в крайность и настаивали на отказе коммунистов от сотрудничества с националистами.

Итак, взгляд на вопрос о союзе с националистами стал своего рода пробным камнем, различающим подлинного коммуниста и оппортуниста. Видимо, подобная ситуация воздействовала на Чха Гван Су, и он поинтересовался мнением Ким Ир Сена по этому вопросу.

Ким Ир Сен сказал: некоторые разложившиеся националисты Кореи, пав на колени перед японскими империалистами, проповедуют «автономию» и национал-реформизм. Но патриотически настроенная часть националистов и интеллигенции с непреклонной волею борются внутри страны и за ее пределами за независимость Кореи. Корейские националисты, испытывающие на себе варварство колониального режима японского империализма, сильны антияпонским духом. Поэтому надо идти рука об руку с такими националистами и национальной буржуазией.

Собеседник, не сдерживая хлынувшее волнение, крепко взял руку Ким Ир Сена. Понятное дело, его сокровенное желание, наконец, осуществилось – он увидел перед собой долгожданного руководителя – того, кто укажет ему на верную боевую линию, которая даст ему силу и надежду на будущее.

Чха Гван Су начал изливать свою душу, подробно рассказывая о собственной биографии. Он взволнованным голосом проговорил:

– Сон Чжу (имя Ким Ир Сена – ред.), сможем ли мы вести коммунистическое движение с взаимным доверием и товариществом? Без фракционности и драки за гегемонию!

После этого он решил оставаться в Гирине и вскоре стал членом ССИ.

В те дни он, восхищенный мудростью испытанного руководства Ким Ир Сена, всем сердцем осознал, что корейская революция, наконец, нашла свой путь.

Он умел хорошо писать и красноречиво выступать, был убежденным полемистом, большим знатоком марксизма-ленинизма. Его появление вновь пополнило ядро ССИ.

В дискуссиях по вопросам марксизма уступили ему место даже те, кто в то время считал себя крупной птицей в комдвижении в Корее и хвастался своим большим багажом теоретических знаний.

Итак, ряды молодых коммунистов нового поколения в Корее приобрели знаменитого теоретика.

В один из летних дней 1927 г. Ким Ир Сен поручил ему задание поработать в небольшой деревне Синьаньтунь, которая расположена недалеко от автомагистрали Гирин – Чанчунь и которую корейские патриоты превратили в «идеальную деревню». Дело воспитания жителей этой деревни в революци-

онном духе дало бы возможность проложить первый канал к крестьянским массам.

Он с недоумением, не то в шутку, не то всерьез спросил Ким Ир Сена:

– Я, собственно, с большим трудом нашел линию движения и приехал из деревни в город. Зачем ты хочешь направить меня опять в деревню?

Иные, по его словам, развертывают движение в крупных городах. И этим они еще не довольствуются, обращаются в Коминтерн, вертясь, как белка в колесе. А что же мне делать-то в таком узком месте, как эта деревушка? Таково было его мнение тех дней.

Очевидно, что Чха Гван Су разочарован в старых способах движения, свойственных твердолобым националистам и фракционерам, но сам еще не успел избавиться от старых взглядов на движение.

Ким Ир Сен начал рассказывать: думать, что революцию можно делать только в крупных городах, – это ошибка.

Нам следует идти и в город, и в деревню, во все места, где только живет народ. Абсолютное большинство населения нашей страны составляют крестьяне. Большинство корейцев в Маньчжурии тоже живет в деревне. Не пойдешь в гущу крестьянских масс – не поднимешь народ на борьбу за возрождение Родины. Тогда будет немыслима и победа коммунистического движения в нашей стране. Я тоже буду работать в деревне после окончания школы… Сейчас все так называемые деятели движения идут только вверх. Они полагают, будто сохранить авторитет и получить какую-то санкцию можно, только идя вверх. Они говорят, что, мол, ведут революцию ради пролетарских масс. Но нельзя же оторваться от масс и идти все

вверх и вверх. Тогда что же получится у них? Нет, мы должны идти вниз. Мы пойдем вниз, в гущу рабочих и крестьян.

Чха Гван Су повторно про себя пробормотал серьезным тоном слова: «Идти не вверх, а вниз», и погрузился в размышления. Немного погодя он ударил кулаком по столу и воскликнул:

– Это весьма серьезное открытие!

Он пошел в Синьаньтунь. В деревне он сумел возобновить работу в Гильхынской школе, которая раньше оказалась в состоянии закрытия. Сделав ее опорным пунктом своей деятельности, он вплотную взялся за дело воспитания масс в антияпонском, революционном духе.

Где бы он ни был, с людьми он дружился быстро, держал себя всегда с благородным тактом. И люди относились к нему с глубоким доверием и уважением. Да иначе и не могло быть по отношению к нему – человеку общительному, шустрому, деятельному, эрудированному и красноречивому. За короткие сроки село стало превращаться в революционное.

В один из первых дней сентября 1927 г. Ким Ир Сен пошел в Синьаньтунь, где находился Чха Гван Су, и посетил Гильхынскую школу. Они радостно поздоровались друг с другом на спортивной площадке школы. Он узнавал о составе населения деревни, их духовных настроениях, о положении дел в филиале Антиимпериалистического союза молодежи. Шаблонность в работе по привлечению на свою сторону широких слоев населения не принесет успеха, отметил он. Эту работу следует вести разнообразно, с учетом характерных черт и подготовленности людей, конкретных реальных условий и обстановки на месте, и она может показать большую силу.

Когда речь идет о привлечении на свою сторону людей

старого возраста, говорил Ким Ир Сен, то надо прежде всего просвещать одного-двух авторитетных, влиятельных стариков в деревне, затем поручить им задание воспитывать остальных твердолобых пожилых сельчан. Такой метод хорош. Так, можешь благоустроить в деревушке, скажем, комнатушку для гостей и приглашать людей старых лет, чтобы они слушали рассказ одного из стариков, подготовленных тобой к этой беседе. На беседе с сельчанами старого возраста нельзя же с самого начала попытаться вдолбить им в голову революционную идеологию. Насильно мил не будешь. Пусть разговоры идут просто о житье-бытье, как интересные сказки. А в нужный момент как бы мимоходом говори о том, чего хочешь. Таким образом, надо умело вести работу, чтобы они пробудились в классовом отношении.

Чха Гван Су, удовлетворенный его советами, ударил руками себе по коленам, сказал:

– Спасибо тебе, Сон Чжу! Так и я сделаю. Теперь ключ к решению проблем в моих руках!

После этого он внес большой вклад в дело открытия пути к молодежно-ученическому движению, ускорения процесса воспитания масс в революционном духе и закладки фундамента для развертывания вооруженной борьбы против империалистов Японии.

Ценой кровопролитных, самоотверженных усилий молодых коммунистов 25 апреля 1932 г. на лесной поляне у поселка Туцидянь в Сяошахэ уезда Аньту провозглашено создание АНПА – первых подлинных революционных вооруженных сил корейского народа.

Ким Ир Сен назначил начальником штаба отряда именно Чха Гван Су, человека из среды интеллигенции – того, кто

всей душой верен клятве, данной перед революцией. Он делал все, что мог, для честного выполнения ответственного и в то же время почетного долга.

Прошло несколько времени после создания АНПА. По тактико-стратегическому плану Ким Ир Сена партизаны вели готовку к походу в Южную Маньчжурию.

Однажды пришел к нему Чха Гван Су с серьезным выражением на лице.

– Товарищ командир! – сказал он. – Раз решили совершить поход, не лучше ли на днях немедленно покинуть Сяошахэ? Тут поблизости от нас большак, непрерывно проходят вражеские транспортные обозы, не скажут они нам спасибо. Остро стоит и вопрос продовольствия. Здесь всего сорок крестьянских дворов, а мы, более ста человек, питаемся на дармовщину. Какой бы ни была щедрой и гостеприимной деревня Сяошахэ, она дальше такого не выдержит!

В ответ на его предложение Ким Ир Сен сказал:

– Товарищ начштаба! Раз мы поднялись с оружием в руках, не лучше ли нам драться с врагом? Как, по-твоему?

– В бой?

– Да! Раз создан отряд, надо начать бой. Враги ходят под самым носом, а мы сидим да смотрим на них сложа руки. Так дальше не годится. Придет время, покинуть-то покинем, но неплохо бы сделать в Аньту хоть один выстрел. Без боев нельзя закалять бойцов. Если дело кончится удачно, как мне кажется, можем приобрести и материалы, необходимые для похода.

Начштаба с удовлетворением согласился с его предложением. И тут же он вместе с одним из командиров отряда вышел на большак разведать местность. Разведка была нацелена

на поиск удобного для засады места. Вернувшись с разведки, они предложили свой план – устроить засаду на перевале Сяоинцзылин, что находится в промежуточном участке дороги от Аньту до Минюегоу, у дороги и совершить налет на проходящий транспорт. Ким Ир Сен сказал, что их план совпадает со своим, и полностью поддержал его.

Как раз в то время прилетело сообщение от местной подпольной революционной организации о действиях транспортных обозов противника. Он составил тщательный план боевых действий и дал начштаба Чха Гван Су приказ: подготовить отряд к походу и бою.

После завершения надлежащей подготовки отряд под его командованием быстрым ночным маршем прибыл в Сяоинцзылин, отдаленный на прямом расстоянии километров 16 от Сяошахэ, и устроил засаду по сторонам дороги. Чтобы отличать своих от противника, партизаны обвязали руки белыми полотенцами.

В глубокую ночь, как ожидалось, на перевале появились вражеские транспортные обозы. Это был первый бой партизан, и все – и командиры, и рядовые бойцы – были сильно напряжены и взволнованы.

Это были транспортные обозы войск марионеточного государства Маньчжоу-Го, которые состояли из 12 подвод.

Когда все обозы противника попали в зону партизанской засады, Ким Ир Сен дал первый выстрел – сигнал: «Огонь!» В ущелье раздались оглушительные грохоты и громкие крики.

Партизаны продолжали стрельбу минут десять, а затем ринулись в атаку и одним махом завершили бой. Противник сдался: убитых и раненых было более десяти.

Первых трофеев было много: 17 винтовок, один пистолет,

большое количество пшеничной муки, которой сотне человек хватило бы примерно на месяц, ткань и армейская обувь…

Партизаны с трофеями на 10 подводах вернулись в Мутятунь уезда Аньту.

Уже за полночь. Бойцы развели во дворе костер, сели вокруг него и с аппетитом ели мучные клецки. Это был скромный пир в честь победы в первом бою. Чха Гван Су молча глядел на костер. Под его очками для близоруких струйками лились слезы. Вдруг он, схватив Ким Ир Сена за руку, глухим голосом заговорил:

– Послушай, Сон Чжу! Как пронюхал, ничего тут особенного.

Немного погодя он, сняв очки, произнес речь перед бойцами, возбужденно жестикулируя:

– Товарищи! Мы сделали первый шаг! Мы одержали первую победу! Кто одержал? Именно мы, сидящие здесь вокруг костра!

После паузы он продолжал свою речь:

– Раз мы с ружьем, из него должен раздаться выстрел, а когда прогремит выстрел, надо победить! Не так ли? Сегодня вечером мы разгромили транспортный обоз. Это всего лишь небольшой эпизод. Но это начало нашего великого дела. Маленькая речка начала нести свой первый поток из глухой горы и тихого ущелья в просторное море!

Все, охваченные восторгом и волнением от победы в первом бою, глядели на начштаба.

– Товарищи, – говорит он. – Как хорошо... Как хорошо драться! У нас теперь и ружье, и продовольствие, и обмундирование, и обувь… Сегодня вечером я обучился великой и глубокой диалектике! Сейчас разделим взятые у врага ружья!

Разгромим с этим ружьем новых врагов. Тогда будет у нас еще больше ружей, больше продовольствия! Будет и пулемет, будет и пушка! Давайте рассыплем продовольствие в мешки и, питаясь им, совершим энергичный поход! До тех пор, пока японские империалисты не будут наголову разбиты, у них возьмем, как сегодня, и оружие, и продовольствие. Таков способ нашего существования, таков способ нашей борьбы!

По окончании его речи Ким Ир Сен первым аплодировал ему. Все вокруг вспыхивали и отвечали на его речь горячими аплодисментами.

Отряд с радостью от победы в первом бою, покинув Сяошахэ, встал на поход в Южную Маньчжурию. Партизаны под Эрдаобайхэ в уезде Аньту неожиданно столкнулись с отрядом японских войск. Партизаны завоевали снова победу в жарком бою с противником.

Во многих районах восстановлены разрушенные революционные организации, росли ряды партизанского отряда, достигнуты определенные успехи и в работе с отрядами Армии независимости.

Прошло уже около полугода после создания АНПА. Однажды по приказу Ким Ир Сена Чха Гван Су действовал в Дуньхуа с небольшой группой бойцов. После выполнения порученного задания они отправились в сторону Ставки Командования. На пути они столкнулись с врагами, которые раньше их движутся в ту сторону.

Им овладела мысль: «Если оставить этих врагов, Ставка Командования будет в опасности. Что бы ни случилось, надо защитить Ставку Командования!» Он вместе с бойцами пошел в бой. Противник вначале растерялся и все остался под огнем. Позже неприятели, оценив ситуацию, бросились на партизан.

«Пока мы живы, надо защитить Командование корейской революции!» С такой решимостью – биться с противником не на жизнь, а на смерть – Чха Гван Су поднял партизан в бой. Они беспощадно били противника. Враги, узнав, что в малой группе партизан оказался их начштаба, яростно набросились на них.

Он стрелял и стрелял до последнего патрона, обрушивая огонь на голову проклятого противника. Молодой начштаба осознал, что настала последняя минута. Перед его глазами обрисовался любимый образ великого Ким Ир Сена. Мучила его мысль: «Я не смог делать свое дело как его первый помощник, как начштаба партизанского отряда».

Но он твердо верил, как в самого себя, в победу корейской революции. Он с желанием благополучия Ким Ир Сена, что является судьбой и будущим Кореи, погиб смертью храбрых в бою.

И ныне корейцы, в частности, молодые люди с теплотой души рассказывают о Чха Гван Су, который на заре корейской революции показал яркий пример абсолютной и безоговорочной преданности своему руководителю, безграничной ответственности за дело революции, любви к будущему.

Знаменитый военачальник и янтарный мундштук

Чвэ Хёна называют корейцы, в частности, историки знаменитым военным человеком, «прошедшим огонь, воду и медные трубы».

А в секретных документах в руках японских самураев часто фигурирует выражение «дерзкий мужик», которое они дали Чвэ Хёну. Японские солдаты и полицейские дрожали от страха лишь при одном упоминании о приходе «отряда Сай Кэна» (японский аналог имени Чвэ Хёна – ред.). «Сай Кэн» стал синонимом непобедимого полководца, втолкавшим врагов в трепет от страха. Он был мужчиной с типично военным характером.

Он, как другие его современники, родился во время, когда неудержимо достигала кульминационного апогея трагедия страны. Руки Чвэ Хёна взяли весло на лодке человеческой жизни в «океане» чужой земли – на лессовой цзяньдаоской земле.

Это был 1907 год.

На земле, на которую с небывалой разрушительной силой нахлынули свирепые волны экономического кризиса, родители Чвэ Хёна дрожали от тревоги за судьбу новорожденного ребенка.

Первомартовское народное восстание, жестокая карательная операция в Цзяньдао в году Кёнсин стали драматическими событиями, которые заставляли кипеть кровь юного Чвэ Хёна. В то время он, лишившись матери, вместе с отцом перешел в Приморье. Если в тот период тьмы и отчаяния тлела у него

какая-то смутная надежда, то это было существование Армии независимости, которая оказывала врагу отчаянное вооруженное сопротивление в районе Цзяньдао.

Хон Бом До, Им Бён Гук были его предшественниками и учителями. Детство и отрочество Чвэ Хёна были неразрывными нитями связаны с деятельностью этих мужественных, непреклонных, опытных военачальников. У них он обучился стрелковому делу и искусству верховой езды. 11-летний мальчик уже начал выполнять задание связного в отряде Армии независимости.

И русские с восхищением и завистью любовались поведением подростка небольшого роста, отличавшегося необыкновенным мастерством верховой езды, который вихрем несся на коне по раздолью.

После поражения отряда Армии независимости он вступил в Молодежную федерацию Восточной Маньчжурии. Для него период деятельности в ней был периодом перехода его от националистического движения к коммунистическому. Процесс такой переориентации еще более ускорился в период заключения в Яньцзиской тюрьме, где он пробыл более семи лет.

В 1925 г. власти реакционной военщины неожиданно арестовали молодого человека и вынесли ему жестокий приговор – пожизненное заключение, обвинив его в «незаконном сборе средств» на военные цели. После восстания 30 мая, выступлений по поводу осеннего урожая и борьбы периода весеннего голода Яньцзиская тюрьма была битком набита заключенными – патриотами и передовиками революции, которые шли впереди масс при вышеупомянутых выступлениях. Арестанты, конечно, были лишены свободы, но и в тисках гнета они,

эти оптимисты и романтики, жили с гордо поднятой головой. Это миниатюрное общество стало для Чвэ Хёна школой и горнилом, оказавшими решающее воздействие на его рост и развитие. В Яньцзиской тюрьме, которую называла администрация военщины Гиринской тюрьмой №4, он вступил во внутритюремные подпольные организации – Антиимпериалистический союз и отряд красных ополченцев. Испытания в застенках окончательно превратили бывшего связного Армии независимости из националиста в коммуниста.

Впоследствии всем партизанским районам Восточной Маньчжурии были широко известны тюремные эпизоды и приключенческие рассказы, главным героем которых выступал Чвэ Хён.

Его тюремная жизнь началась прежде всего с противоборства с «гантоуром» – «атаманом» камеры. В камере, где находился Чвэ Хён, «гантоуром» был разбойник-убийца. Тот изощрялся в жестоком притеснении узников. У каждого нового заключенного он отбирал личные вещи и присваивал их. Когда подается узникам пища, тот отнимал долю других и набивал до отказа свой живот.

Молодой смельчак решил проучить этого «гантоура». Однажды он дал каждому из узников своей камеры по одной высокосортной сигарете и сам закурил. Лишь одному «гантоуру» нарочно не предложил курева. Этот своего рода молчаливый вызов засел у него в печенках.

Рассерженный «гантоур» угрожающе потребовал от Чвэ Хёна отдать все вещи, которые у него имеются. Вместо ответа он выпустил изо рта облако густого табачного дыма. Чаша терпения разбита. «Гантоур» набросился на Чвэ Хёна. Молодой бывший связной Армии независимости, перепрыгнув

через головы нескольких человек, сильно ударил его в морду кулаками в наручниках и громко крикнул:

– Ты, сволочь, на кого смеешь поднять руку? Вне тюрьмы ты убил человека, а здесь, в камере, не даешь покоя бедным братьям. Виданное ли это дело? Есть ли кто-нибудь жесточе и грешнее тебя? Скажи: разве ты не сын простолюдина, такого же, как мы? На сей раз тебя прощу с великодушием, но не забывай – веди себя, как положено. Отныне твое место вон там – у «параши». А это верхнее место займу я, понял?

«Гантоур» знал, что ему не тягаться с этим лихим храбрецом, направился на указанное место и покорно сел на пол, как он велел. С тех пор узники, избавленные от гнета «гантоура», видели в молодом смельчаке благодетеля и стали чтить его.

Прошло немного времени после того, как его приговорили к пожизненному заключению. Администрация военщины то и дело организовывала экскурсии учеников многих школ города Лунцзина по камерам тюрьмы. Таким образом, враги пытались выхолостить революционное сознание и подавить боевой дух учащихся, молодежи, детей этого района, среди которых одна за другой появлялись и активно действовали идеологические организации и группы, выступающие против японского империализма и военщины.

Чвэ Хён заранее установил связи со всеми камерами, предложил узникам изготовить своего рода «водяные пистолеты», ожидать подходящего шанса. Когда пришли ученики и стали осматривать камеры, узники «выстреляли» из этих «водяных пистолетов» с вонючими нечистотами из унитаза в морду приведших сюда учеников реакционных учителей и тюремщиков, осыпая их руганью.

– Мерзавцы, какие! Что вы, сволочи, хотите показать здесь

ученикам?!

Застигнутые врасплох учители с реакционными настроениями поспешно удрали из тюрьмы, уводя с собой своих учеников. Администрация тюрьмы лезла из кожи вон, пытаясь поймать главного зачинщика подготовки «сюрприза», но не смогла добиться своего – каждый из узников заявлял: «Я и есть организатор».

Кем только он не работал в Яньцзиской тюрьме! Обувщиком, наборщиком в литографии, портным, столяром и даже парикмахером. Где бы и кем бы он ни работал, он никогда не щадил и жестоко карал всех, кто унижал и оскорблял его без всякого основания.

Так, однажды Чвэ Хён мастерил шахматные фигуры из крушины, употребляемой для изготовления столов и стульев. Заметив это, надзиратель тюремного завода избил его. Ему было не отвыкать подвергать узников побоям. Разгневанный Чвэ Хён жутко ударил его ножкой стула, который он собирал. Администрация тюрьмы на недельку упекла его в карцер, но после этого инцидента надзиратель тюрьмы больше не смел допускать произвол в отношении узников.

Особо надо отметить, что за решеткой он успешно организовал побег узников из тюрьмы. Вместе со своими товарищами ему удалось обеспечить тайный побег из тюрьмы бывшего его начальника в Армии независимости и многих революционеров. Чтобы защищать, отстаивать дело правое, он был готов даже совершить самосожжение или броситься с крутого обрыва. Таковы были его врожденная воля, закаленный в бурях его характер.

После выхода из тюрьмы он вступил в полувоенную организацию – отряд красных ополченцев в Тайянмао в Бадаогоу

уезда Яньцзи. Суровая борьба открыла ему путь к вступлению в компартию, вырастила его политруком роты Яньцзиского партизанского отряда Народно-революционной армии.

Первая встреча его с Ким Ир Сеном состоялась в сентябре 1933 г., сразу же после рейда в уездный центр Дуннин. По вине связного он не получил вовремя приказ об участии в бою и прибыл в Мацунь с опозданием – пришел, как говорится, к шапочному разбору. Узнав, что бой в Дуннине уже кончился, он очень огорчился и осыпал связного нецензурной бранью, а затем спросил Ким Ир Сена:

– В бою участвовали и ванцинцы, и хуньчунцы, и даже вот эти отряды Армии спасения Отечества. Лишь слизняки из Яньцзи не смогли даже подойти к воротам Дуннина, топчутся на месте. Я просто вне себя от ярости. Уважаемый начальник Ким Ир Сен, нет ли еще плана налета на другое место?

– Молодому человеку не подходит слово «уважаемый»! Прошу называть просто Ким Ир Сеном.

Собеседник, словно нагрянула большая беда, молвил:

– При чем тут большой или малый возраст? В душе я уже давно возвел вас, начальника Кима, во главу корейских войск. Поэтому величать вас с почтением вполне естественно.

– Если так захваливать молодых людей, они могут сразу стать высокомерными, у них может закружиться голова. Коли и впредь вы будете так захваливать меня, то мне придется порвать с вами отношения.

– Вот как! У меня жилы и кишки крепкие, а вы, начальник Ким, оказывается, крепче меня. Теперь буду разговаривать с вами запросто, как вы хотите.

Так состоялась встреча великого человека со знаменитым военачальником. Он предложил Ким Ир Сену еще раз про-

вести другой бой:

– Раз так обернулось дело, останусь в Ванцине на денек-другой и послушаю рассказ командира Кима. Это не будет вам помехой?

Ким Ир Сен охотно согласился на его предложение, и они разговаривали всю ночь.

Наутро часовые сообщили ему о нападении противника на партизанский район. Он расположил бойцов отряда на высоте и, поднимаясь на гору, попросил прощения у Чвэ Хёна: придется принять бой, подождите, пожалуйста, немножко в доме, скоро вернусь.

Чвэ Хён вскочил с места, как ужаленный.

– Как же мне ждать здесь? Ведь подвернулся хороший шанс. Чвэ Хён не достоин называться Чвэ Хёном, если он не последует за вами, командир Ким, а будет ждать сложа руки в доме ночлега. Видно, бог помог мне сегодня. Хочется хоть разок повоевать под вашим командованием, командир Ким. Прошу взять и меня с собой на высоту.

Ким Ир Сен сказал: коли такое у вас желание, давайте подеремся вместе.

Чвэ Хён, расплываясь в улыбке, стал подниматься на высоту вслед за ним.

Противник не отважился атаковать рубеж, где его ожидала партизанская засада. Только издали вслепую палил и начал поджигать сложенные стога хлебов, выращенных потом и кровью жителей партизанского района.

Ким Ир Сен приказал партизанам беспощадно бить врагов прицельной стрельбой на дальнее расстояние, а потом обратился к Чвэ Хёну со словами: слыхал, что вы, товарищ Чвэ Хён, меткий стрелок. Покажите, пожалуйста, ваше искусство стрельбы.

Тот сразил одним выстрелом из винтовки вражеского солдата, подбегающего к скирде с горящим факелом в руке. Враги находились метрах в 500 от партизан, но он без единого промаха скашивал их каждым выстрелом.

После боя Ким Ир Сен спросил его: ну как? Теперь улеглась немножко досада, что не успели поучаствовать в рейде на Дуннинский уездный центр?

Он покачал головой и промолвил как бы нехотя:

– Да, немножко, но не так, чтобы уж совсем.

И в ту ночь они продолжали беседу без сна. Главной темой разговора был вопрос об очередных задачах корейской революции и путях их выполнения. Чвэ Хён остался очень доволен результатом проведенной беседы.

– Теперь, кажется, немного унялась досада, что не довелось участвовать в рейде на Дуннин. Хотя и не смог быть вместе с вами тогда, но зато здесь, в Мацуне, многое наверстал из упущенного и вернусь.

Провожая Чвэ Хёна в дорогу, Ким Ир Сен на память о первой встрече подарил ему четыре ружья «Датайгань» (винтовка крупного калибра с громким грохотом стрельбы), трофейное оружие, полученное во время рейда на Дуннинский уездный центр, и янтарный мундштук. С той поры этот мундштук стал для него самой любимой вещью, никогда не оторванной от его тела.

Каждый раз, когда он погружался в напряженное раздумье, решающее судьбу предстоящей битвы или какой-нибудь военной операции, из мундштука в его рту извергались клубы густого дыма курева.

Только во второй половине 1930-х годов он сотни раз вел бои, в числе которых – в Саньдаогоу, Вудаогоу, Сяотанхэ, на перевале Хуангоулин, в Цзиньцане, в Пульгынбави, Комичжа-

ри, на горе Цзяньсаньфэн, в Наэрхуне, Лаоцзиньчане, Муцзихэ, Фуэрхэ, Вэйтангоу, на горе Тяньбаошань, в Дашахэ-Дацзянгане, Яоче, Ханьцунгоу и др.

В годы антияпонской вооруженной борьбы не раз угрожали его жизни вихри левацкой «антиминсэндановской» борьбы и инфекционная болезнь, но ничто не смогло свалить этого крепкого мужчину. Но в его жизнь влил и струи надежды, энергии, смелости великий Ким Ир Сен, который проявлял о нем глубокую заботу и неизменно оказывал ему глубокое доверие.

Свидетельство тому – факты более 80-летней давности в Михуньчжэньском тайном лагере. В то время лагерь был своего рода изоляционной палатой для пораженных заразной болезнью. Там лежал и Чвэ Хён с брюшным тифом.

Ким Ир Сен, получив информацию о том, что его любимые боевые друзья, зараженные инфекционной болезнью, страдают в Михуньчжэньском тайном лагере, посетил его, несмотря на уговоры работников интендантской службы.

Чвэ Хён с трудом приподнялся и пополз к выходу.

– Командир Ким, прошу вас, не входите! Нельзя входить! – сказал больной, размахивая обеими руками и следя за входящим горящими, как огонь, глазами.

Ким Ир Сен в шутку говорил: видно, не очень гостеприимны люди Михуньчжэня. Пришел с желанием видеться с Чвэ Хёном, а тут дают от ворот поворот. Какое это безобразие!

Тут упрямый Чвэ Хён не унимался.

– Нельзя иначе, даже если вы посчитаете нас негостеприимными. Но неужели вы, Командующий Ким, не знаете, что здесь открыты ворота в царство мертвых?

Ким Ир Сен проговорил: какой симулянт вышел из Чвэ

Хёна! Из того, кто расстреливал сто мешков патронов! Этого я еще не знал! Такой крепкий, как дуб, Чвэ Хён поражен брюшным тифом. Совсем не верится.

И он подошел к изголовью больного, чтобы пожать ему руку. Больной поспешно спрятал руки под одеяло и с тревогой сказал:

– Не трогайте меня руками. У меня брюшной тиф, уйма бактерий. Зачем вы пришли сюда, в такой «склад» заразных заболеваний?

Ким Ир Сен, сказав, что пришел увидеться с Чвэ Хёном, сунул руку под одеяло, крепко пожал горячую, как раскаленный уголь, руку больного и долго не выпускал ее из своей.

Только что упрашивал Командующего даже не подходить, а теперь так крепко, как клещами, сжал ему руку и не выпускал ее со словами:

– Очень рад видеть вас, Командующий Ким, спасибо! Я же такой ничтожный… Думал, что отправлюсь на тот свет, так и не увидев Командующего Кима.

В тот момент Чвэ Хён точь-в-точь напоминал ребенка. У него глаза повлажнели.

Сердце пересилившего недуг Чвэ Хёна все горело пламенным чувством почтения и верности к нему.

И в дни, когда в Восточной Маньчжурии поднялись левацкие вихри «антиминсэндановской» борьбы, его политическая жизнь была спасена самоотверженной борьбой Ким Ир Сена, твердо придерживавшегося позиции чучхе в корейской революции.

Доверию к Чвэ Хёну, оказанному Ким Ир Сеном, не было конца. Он, комроты, был назначен командиром 1-го полка сформированной новой 1-й дивизии КНРА. После освобождения Кореи он был в должностях комкора КНА, министра национальной обороны КНДР. Окруженный заботой и доверием

вождя, он всю жизнь был в военной форме, совершил огромные подвиги в деле укрепления военных сил и обороны государства.

Он прошел отнюдь не легкий путь жизни, у него было немало трудностей и суровых событий. Но он бережно, как свою жизнь, хранил и любил тот мундштук, полученный в подарок на память о первой встрече с Ким Ир Сеном.

Вокруг Чвэ Хёна было немало заядлых любителей курения – тех, которые с вожделением взирали на этот мундштук и всячески норовили присвоить его. Так, одни пробовали отнять у него его силою, другие – соблазнительными словами, третьи – предложением «бартера». Нашлись даже такие более жадные люди, которые попытались выкрасть его из кармана Чвэ Хёна, когда он был во хмелю. Пускался в ход весь арсенал приемов и средств. Но все эти старания были напрасны.

Сейчас этот янтарный мундштук находится в экспозиции Музея корейской революции.

Вначале музейщики рассчитывали, что они могут без труда взять мундштук у его хозяина – достаточно было бы, по их мнению, нескольких слов. Но это были их просчеты. Чвэ Хён, узнав, что они хотят забрать у него именно тот мундштук, который он на протяжении десятков лет хранит при себе бережнее, заботливее, чем жемчуг или золото, рассердился и выгнал их.

– Что вы говорите? – сказал он. – Неужели хотите выставить в музее янтарный мундштук Чвэ Хёна? Не забывайте вот что: этот мундштук не общенародная, а моя, личная собственность. Знаете, его подарил мне наш Полководец для того, чтобы пользовался им именно я, Чвэ Хён. Это же не совместная собственность – такая, какую может осматривать и трогать любой человек! Если уж хотите забрать что-нибудь у меня, так лучше вам выдернуть у меня вот эти усы. Поняли?

Сотрудники музея чуть не потеряли головы от возмущенного крика хозяина мундштука, но не утратили надежды и без устали продолжали навещать его.

Только с пятого раза им удалось уговорить этого старого и упрямого военачальника. Еще за несколько дней до того он рычал на них, как тигр, но на сей раз встретил гостей весьма любезно, словно стал другим человеком.

– С сегодняшнего дня мундштук этот не будет собственностью моей, Чвэ Хёна. Он станет общенародной собственностью, поняли? Подождите, ребята, немножко. Сейчас покурю с этим мундштуком в последний раз, а потом отдам его вам.

Он вставил сигарету в свой мундштук и, чиркнув спичкой, прикурил. Глубоко и жадно вдыхал табачный дым и медленно выпускал изо рта клубы в воздух. Прищуренные глаза старого военачальника были изрядно долго устремлены в далекое северное небо. Под тем небом находилась и деревня Мацунь, где состоялась первая историческая встреча с великим Ким Ир Сеном, и простирались поля боев, пропахшие порохом, по которым он вплоть до сорока лет с маузером на боку партизанил, скакал и ходил до боли в ногах.

От «паренька-невесты» до отважного командира

«…Мою жизнь продлите хотя бы на пять минут», – так сказал перед своей смертью Чвэ Чхун Гук, комдив КНА во время Отечественной освободительной войны.

Получив смертельную рану в бою за освобождение Андона, он произнес эти последние слова, чтобы передать соратникам просьбу, полную его убеждения, – безусловно полностью выполнить приказ Верховного Главнокомандующего.

В своих мемуарах «В водовороте века» Ким Ир Сен пишет:

«Да, чрезвычайно мягким и чрезвычайно сильным человеком был Чвэ Чхун Гук, отважный командир времен антияпонской борьбы».

Его жизнь с горем раба, лишенного Отчизны, началась в дебрях оскорблений и унижений. Он, лишившись в два года матери, с детства батрачил у чужих людей. Последующие годы прошли в тяжком труде на многих стройках. Судьба его была как галька, брошенная на обочину дороги. Радикальный поворот в его жизни произошел в сентябре 1930 г., когда Ким Ир Сен вышел в район Онсона с целью направлять дела подпольных революционных организаций внутри Кореи.

В один из тех дней он посетил стройку железной дороги в волости Мипхо. Поздоровавшись на стройке с рабочими, он работал вместе с ними. Он оказал на них революционное влияние и пробудил у них классовое сознание.

В перерыве он вел беседу с рабочими. В то время ему делал неуклюжий поклон какой-то молодой человек, застенчиво

стоявший на краю.

Это был не кто иной, как Чвэ Чхун Гук, недавно вступивший в Антиимпериалистический союз молодежи. Оказался малословный, застенчивый юноша, похожий на совсем недавно вышедшую замуж невесту, за что рабочие стройки называли его «пареньком-невестой».

В то время он, весь очарованный личными качествами Ким Ир Сена, очень хотел бороться, находясь ближе к нему. Молодой человек, окруженный его доверием, стал членом партийной организации района Онсона. Так был сделан его первый шаг к революционной борьбе.

Весной 1932 г. вступил в ряды АНПА. Не прошло и годика, он был назначен политруком роты партизанского отряда. Взволнованный, он обратился к Ким Ир Сену:

– Товарищ Командующий, я, собственно, пока еще зелен во многих отношениях. Как же мне работать политруком, обязанным учить других? Правду сказать, в глазах темнеет. Самое подходящее для меня дело – бить япошек и их холуев. Прошу оставить меня рядовым.

Ким Ир Сен понял его. Медленно встав с места, он подошел к политруку и серьезно сказал: знаешь, самое важное дело политработника – воспитать бойцов так, чтобы все они боролись до конца против империалистов Японии и помещиков. Наша партизанская армия – это не армия интеллигенции, а армия рабочих и крестьян, костяком которой являются подвергавшиеся самой жестокой эксплуатации и гнету.

– Мы назначили, – говорит он, – тебя политруком именно потому, что ты рос, больше всех подвергаясь самой жестокой эксплуатации и угнетению со стороны японских империалистов и помещиков. Такие люди как никто другой

сильны революционностью и умеют непреклонно бороться до конца.

Нужно вселить в сердца бойцов, продолжал он, твою любовь к Отчизне, твою ненависть к японским империалистам. Это и будет успешное выполнение обязанностей политрука.

Ким Ир Сен дал ему блокнот с обложкой красного цвета, на первой странице которого написал: «Надо заниматься, даже если для этого придется писать на земле!»

С той поры политрук учился и занимался боевой подготовкой усерднее, чем кто-либо. Он овладевал родной письменностью и одновременно самоучкой усваивал иероглифы.

Стремление выучиться иероглифике в нем пробудил следующий случай. Однажды политрук спросил у Ким Ир Сена, что значит слово «ичжонхварён» (тактика внезапного исчезновения и появления – ред.). Ким Ир Сен разъяснил смысл этого словосочетания по иероглифам.

– Ба! Какая чудесная штука – эти иероглифы! Жаль, что не выучился им в частной школе содан, – пробормотал он.

После этого он всегда носил в своем вещевом мешке иероглифический словарь. И в дни жарких боев он не бросил занятия иероглифами. Он старался учиться всему, что требуется политработнику роты для освоения нужных деловых качеств.

Однажды Ким Ир Сен, посетив его роту, сказал, что ротный политрук должен уметь и танцевать, и хорошо петь, что это поможет ему сделать свою роту отрядом, заряженным энергией и оптимизмом. После этого каждый вечер он украдкой занимался на дворе танцами, избегая при этом посторонних глаз. Он так увлекся этим делом, что ротная повариха, которая, выйдя на двор в предрассветные сумерки, случайно увидела танцующего политрука, прибежала к ротному и ис-

пуганно сказала: «У политрука, видать, что-то с головой не в порядке». Выслушав ее, комроты расхохотался до слез.

Ким Ир Сен обращал пристальное внимание и на дело воспитания из него настоящего командира, обладающего высокими морально-нравственными качествами. Порой он то строго упрекал его за пороки, то давал ему дельные советы. Чвэ Чхун Гук от всей души признавался в своих ошибках и упорно старался устранить их. Вот таким добросовестным и прямодушным был он. И Ким Ир Сен всегда поручал трудные задачи его роте. Он непременно и отлично выполнял полученные задания. С таким доверием к нему Ким Ир Сен оставлял его вместо себя, когда сам отсутствовал, и посылал его на важнейшие участки, куда он не мог явиться по тем или иным причинам. Это уже стало своего рода правилом.

Однажды, когда Чвэ Чхун Гук работал в Южной Маньчжурии комиссаром комендантского полка, его полк проходил неподалеку от важного военного пункта врага. По данным разведки он знал, что там расквартированы только часть марионеточной армии и полиция Маньчжоу-Го численностью в сотни человек. И он послал письмо командиру той части. «Мы не считаем китайцев врагами, да и не желаем сделать их врагами, – говорилось в письме. – У нас нет намерения драться с вами. И вы, в свою очередь, не трогайте нас. Сейчас нам нужен отдых… Мы намерены сделать короткий привал в вашей крепости. Предупреждаю вас не мешать нашему отдыху…»

В ответе, полученном от связного части марионеточной армии Маньчжоу-Го, говорилось: «Мы удовлетворим все требования революционной армии. Просьба – подождать полчаса». За эти 30 минут, пока революционная армия должна была бы ожидать, маньчжоугоские солдаты, покинув крепость, ухо-

дили в горы. Им был нужен предлог для оправдания, когда японская армия привлечет их к ответственности за то, что они, находясь в крепости, допускали вступление партизанской армии в нее.

Полк, войдя в крепость, отдохнул. И была проведена политическая работа среди местного населения.

На землю спускались сумерки. И солдаты марионеточной армии Маньчжоу-Го в горах за крепостью тревожно посвистывали. Свистками они давали партизанам понять о своих беспокойных настроениях. Понятное дело, они боялись, что вдруг появятся японские солдаты. Но они, конечно же, не смогли решиться просить партизан покинуть крепость.

Чвэ Чхун Гук отдал отряду приказ о выходе из крепости и написал короткую записку командиру части той марионеточной армии. «…Благодарю за хороший отдых. И впредь считайте нас друзьями и помогайте нам. Японский империализм – общий враг корейского и китайского народов. Он непременно потерпит поражение. Победят народы Кореи и Китая…», – говорилось в письме.

Подобными методами он держал в своих руках многих солдат маньчжоугоской армии и помог им встать на путь борьбы против японских захватчиков. Автором писем, написанных на китайском языке в адрес командиров отрядов марионеточной армии Маньчжоу-Го, к всеобщему удивлению, был именно он.

Во второй половине 1930-х годов он все время вдоль и поперек исходил безбрежные просторы Южной и Северной Маньчжурии, активно помогая китайским партизанским отрядам Объединенной антияпонской армии в их действиях. И, естественно, люди, революционеры Китая уважали его как

воина-интернационалиста. Всюду китайские друзья с глубоким чувством любви и уважения говорили о его свершениях в борьбе за пролетарский интернационализм и корейско-китайскую дружбу.

Он, окруженный теплой заботой Ким Ир Сена, посвятил всего себя делу революции. В горниле антияпонской борьбы он сам неустанно проходил школу революционной закалки. Именно эта практика сделала его способным военным командиром, в совершенстве овладевшим искусством партизанских боев, безупречным политработником, знаменитым военачальником антияпонской армии, известным во всей Южной и Северной Маньчжурии того времени.

Однако он всегда вел себя скромно, просто и прилично, а со всеми заданиями справился бесшумно, но упорно. Ниже следует небезынтересный эпизод, свидетельствующий о его человеческих качествах.

…После освобождения Кореи (15 августа 1945 г.) однажды боевой друг посетил дом Чвэ Чхун Гука, который, справив свадьбу, только что обзавелся семьей. Гость в шутку спросил у его супруги: «Нравится ли вам муж?» Застенчиво улыбаясь, она вместо ответа спросила: «Правда ли, что мой муж партизанил?» Потом она начала рассказывать о случившемся несколько дней назад, в день, когда в войсковой части мужа проходили спортивные состязания.

На эти мероприятия того дня были приглашены и члены семей военнослужащих. Жена Чвэ Чхун Гука, одевшись по-праздничному, тоже пошла посмотреть состязания. Вернувшийся вечером домой муж явно недовольным голосом спросил жену:

– Вот что, милая, разве у тебя нет красивой одежды? Вся

наша часть была в сборе, а ты, вижу, появилась там в платье из конопляного холста…

Жена весело рассмеялась от слов «конопляный холст». Было ясно, что он не смог отличать ажурную ткань из рами от грубого холста из конопли.

– Что ты, дорогой, это не конопляный холст, а ткань из рами. Одежда из нее считается самой лучшей для лета.

– Неужели?!

Муж растерялся и даже покраснел. И извинился перед женой.

Упоминав об этом, она сказала гостю: «Сама не могу понять, с каким дерзанием воевал против япошек он, такой добрый человек».

Выслушав ее, гость, боевой друг мужа, громко рассмеялся, а потом всерьез проговорил:

– Вы видели своего мужа таким, какой он есть. Товарищ Чвэ Чхун Гук – действительно добрый, чистосердечный человек… Однако ваш муж – человек, чрезвычайно сильный духом. Хорошенько присмотритесь к его левой ноге и вы увидите след от раны. Пуля раскрошила ему кость ноги. Я оперировал его без наркотиков и зашил рану. Он перенес такую острую боль, не издав ни единого стона. С народом и друзьями он тихий ягненок, для врага тигр, а перед трудностями – стальной человек. Вот таков ваш муж. Поживите – узнаете, какой он стойкий человек.

Однако вопреки словам друга мужа супружеская жизнь молодой пары, у которой все было еще впереди, скоро оборвалась – война.

Чвэ Чхун Гук чуть прихрамывал на левую ногу, которая чуть уменьшилась из-за повреждения кости во время ранения,

полученного на поле боя в дни антияпонской борьбы. Несмотря на это, он в первые годы после освобождения страны прошагал десятки тысяч *ли* для укрепления военной мощи страны. Во время Отечественной освободительной войны он как командир дивизии отдал всего себя защите Родины.

Прошло чуть больше месяца после начала войны. 30 июля 1950 г. он, командир 12-й пехотной дивизии, участвовал в бою за освобождение Андона. На подступах к городу он получил тяжелую рану. Когда начштаба дивизии подбежал к комдиву, тот лежал в машине, стоявшей у дороги. Он был в критическом состоянии. Начштаба окликал раненого. Он с трудом приоткрыл веки и попросил военврача продлить его жизнь хотя бы на пять минут. За эти последние минуты своей жизни комдив, собрав последние силы, конкретно объяснил начштаба свой оперативный план окружения и окончательного уничтожения противника в Андоне.

– Прошу вас до конца выполнить за меня приказ товарища Верховного Главнокомандующего.

Эти слова стали завещанием комдива. Он произнес их перед смертью, держа начштаба за руку.

Впоследствии по случаю 20-летия КНДР ему было присвоено звание Героя КНДР.

В Онсоне, его родном краю на берегу реки Туман была воздвигнута бронзовая статуя Чвэ Чхун Гука в военной форме периода антияпонской революционной борьбы. В юные годы он, держа врага в страхе, беспрепятственно переходил эту реку, словно перешагивал порог своего дома.

При изображении статуи ее авторы навестили супругу Чвэ Чхун Гука, чтобы узнать побольше о нем, о его характере. Они задали ей свой первый вопрос:

– Расскажите, пожалуйста, о самом ярком из воспоминаний о товарище Чвэ Чхун Гуке.

– Нет ничего особенного впечатляющего. Если есть что-то, могу сказать, что он очень скупой на слова. За годы нашей супружеской жизни я услышала от него, кажется, не более сотни слов. Наверное, если бы ударил меня по лицу из-за крутого характера, тогда запоминался бы…

Жена Чвэ Чхун Гука очень жалела, что у нее нет в памяти деталей супружеской жизни, которые остались бы в памяти. Потом сказала многозначительно:

– Поговорите со вторым сыном. Он – вылитый отец. Характер мягкий. Но, чтобы походить на отца во всем, надо быть сильным духом. Пока этого не замечаю. Но намереваюсь непременно растить его именно таким…

В отличие от первых лет совместной жизни она отлично знала, каким замечательным человеком был ее муж.

Человек малословный, но заметный

В своих мемуарах «В водовороте века» Ким Ир Сен пишет:

«Натуру О Чун Хыба можно определить коротко так: «человек малословный, но заметный». Заметен он был своими делами: всюду, где он присутствовал, остались его заметные следы, а сам он имел большие заслуги».

Такого тихого и мягкого человека, как О Чун Хыб, очень редко увидишь среди военных командиров, а он был таким – говорил мало, а много делал.

Насчет Чвэ Чхун Гука говорили, что он нежен, как невеста. Однако О Чун Хыб был еще скромнее, нежнее. Он относился к таким людям, в каких трудно при всем желании сыскать недостатки.

Но в революционной практике он проявлял себя необычайно волевым. Это был такой мужчина, что напоминал тигра, когда, с решимостью взявшись за дело, смело рвался вперед – хоть в огонь, хоть в воду. Он привык не считаться ни с какими трудностями, любое дело во что бы то ни стало доводил до конца и до выполнения возложенного на него задания не знал ни сна, ни отдыха.

Он родился старшим сыном в бедной крестьянской семье в уезде Онсон провинции Северный Хамгён. Вместе с родителями переселился в китайский уезд Ванцин и учился в частной школе.

В нем было сильно чувство справедливости. Род О придал важнейшее значение воспитанию детей. Он под влиянием своего двоюродного брата О Чун Хва, приверженца коммунизма,

пробудился в классовом отношении и в раннем возрасте окунулся в океан революции.

Он впервые встретился с Ким Ир Сеном в сентябре 1930 г. в доме О Чун Хва. Впоследствии он, уже коммунист, работал руководителем местной партийной организации и летом 1933 г. вступил в ряды АНПА, созданной Ким Ир Сеном.

Он настойчиво старался освоить целый ряд наставлений и приемов организации партизанских боев, разработанных Ким Ир Сеном. Обучался всему вплоть до методов сооружения импровизированной арены для художественной самодеятельности, составления программы концерта и даже сочинения текста для конферансье. Все это помогло его непрерывному росту в идейном и военном отношении. Был командиром отделения, комвзвода, комроты и комполка. В горниле антияпонской борьбы он выковал в себе дерзание и боевую волю, которыми следует обладать революционеру. Словом, он был образцом командира революционной армии.

С декабря 1938 г. он служил командиром 7-го полка главных сил КНРА, возглавляемых Ким Ир Сеном.

Он был великолепным командиром, умеющим вести бои очень искусно. Отличительными качествами его как командира было прежде всего умение быстро оценить создавшуюся обстановку, мгновенно принять решение и затем тщательно организовать бой. Раз он принял решение, не мешкал и настойчиво продвигал дело. Вот что отличило его. Подобно тому, как умелый мастер корейской национальной борьбы сирым искусным приемом валит с ног сильного соперника, так и он при встрече с любым превосходящим по силе противником, безошибочно применяя соответствующую тактику, побеждал и уничтожал его.

Он был командиром высокой организованности и дисциплинированности, управлял частью аккуратно и тщательно. Несмотря на столь суровые обстоятельства, в 7-м полку, которым командовал он, не было таких бойцов, которые бы ходили в рваной обуви и рваных штанах. Если во время похода он обнаруживал разорванную одежду, то приказывал заштопать ее во время перерыва. Он отлично управлял частью, и у его подчиненных не было ни одного случая происшествия.

Осенью 1939 г. при налете на золотой прииск под Саньдаогоу в уезде Хэлун с ним произошел случай, какой редко бывает на поле брани.

Когда он командовал боем, ему в лоб попала вражеская пуля, но удар, наверное, пришелся по касательной, и он остался жив. Было чудом, что он не погиб и даже не прекращал командовать боем.

Ким Ир Сен тоже видел ту рану, которую перевязал его ординарец.

Боевые друзья говорили О Чун Хыбу: «Тебе очень повезло – тебе оказана благосклонность «бога» – такая большая». Он проговорил: «Шальная пуля япошек, может быть, пробьет лоб труса, но лоб коммуниста пробить не сможет».

Он продолжал командовать боем, несмотря на рану в голову, и тут прилетела брошенная противником ручная граната и упала у ног бойцов. В тот критический миг О Чун Хыб, ни о чем не раздумываясь, схватил ее и стремительно бросил обратно в сторону противника.

При виде перелетевшей обратно гранаты, только что брошенной ими, у врагов душа ушла в пятки, и они начали разбегаться куда глаза глядят. Не упустив этого шанса, комполка призвал бойцов в атаку.

Кстати сказать, граната ручная – это средство поражения на близком расстоянии. Она разрывается всего через две-три секунды с момента броска. Хватать гранату с горящим запалом, которая через секунду полыхнет взрывом, – дело довольно рискованное. А он пошел на этот риск, даже не моргнув глазом. Было ясно, что он был дерзкий и лихой командир.

Самая большая его заслуга в антияпонской войне состоит в том, что он надежно обеспечил безопасность Ставки Командования корейской революции. Он был всегда готов пойти в любой трудный бой, если это требуется для обеспечения безопасности своего Командующего. Его необычная преданность своему Командующему находила свое концентрированное выражение в дни Трудного похода.

В то время японские захватчики подняли свирепые вихри повального ареста революционеров. Раскручивался маховик вражеской пропаганды: мол, «Корейской Народно-революционной армии – конец». В этой обстановке нужно было сделать прорыв в стене вражеских акций и дать выстрелы внутри страны – в чем была цель Трудного похода (декабрь 1938 – март 1939 гг.) отрядов КНРА.

До назначенного места пешеходу хватило бы нескольких дней на весь путь. А партизанам, чтобы преодолеть это расстояние, потребовалось, увы, более 100 дней. На этом сказывалось непрерывное преследование и окружение противником.

С первого дня похода бойцам КНРА пришлось вести жаркие бои с преследующим их противником. Враги подняли на ноги крупные силы Квантунской армии, «фронтовые отборные части», переброшенные на внутреннюю территорию Китая, отряды армии марионеточного государства «Маньчжоу-Го» и даже полицию численностью в сотни тысяч штыков.

Они применяли «тактику яростного наступления и неотступного преследования». В основе этой тактики врага лежали «приемы дани» («приемы клещей») – заранее расположить в каждом нужном пункте карательные подразделения и ударить по партизанскому отряду, как только он появится, а затем – идти по его неостывшим следам, до конца преследовать и уничтожить его.

И главным силам КНРА выпал даже такой день, когда пришлось вступать в жаркий бой более 20 раз. Трудности были неимоверные: 40-градусный мороз, крайняя нехватка продовольствия, физическое переутомление, борьба со страшными болезнями.

В ходе похода и боев коллективные действия крупных отрядов оказались неблагоприятными. И главные силы КНРА на основе точной оценки ситуации перешли на рассредоточенные действия.

Расставшийся тогда со Ставкой О Чун Хыб добровольно замаскировался под Командование и более двух месяцев отвлекал на себя врагов, таская их за собой по крутым горным цепям Лунганшаньского и Чанбайского хребтов. За это время 7-му полку пришлось изрядно помучиться. Зато Командование могло на некоторое время избавиться от вражеских преследований.

При расставании с Командованием в полку О Чун Хыба не было провианта – ни зернышка. Вначале бойцы его полка питались говядиной или кониной, добытой при налете на лесоразработки, но, углубляясь в глушь леса, уже не могли нигде достать продуктов. Съедобным там был только снег.

Однажды комполка узнал, что враги больше уже не преследуют его отряд, и обратился к бойцам:

– Не знаю, враги, может быть, догадались, что мы не Ставка. Коль так, то все наши усилия оказываются бессмысленными. Во что бы то ни стало надо возвратиться назад и снова принять на свой хвост противника. Все – за мной!

Он с маузером в руке вернулся назад по пути в десятки *ли*, только что пройденному отрядом с большими трудностями, и напал на стоянку противника. Таким образом он повел за собой севшего на хвост отряда врага.

После этого 7-й полк, когда противник не успевал преследовать его, снова возвращался назад и доставлял раз-два новую тревогу врагу. Противник вновь послушно следовал за партизанским полком, как бычок на веревочке.

Когда полностью кончился провиант, полк все равно продолжал поход. Бойцы утоляли голод отваром воловьей кожи, брошенной японскими солдатами. Новогодний праздник по лунному календарю его бойцы справили в том году мороженой картошкой. Несмотря на это, комполка, беспокоился: «Мы в этом лесу кушаем хоть такое, но чем же питается сейчас Командование?»

Когда Трудному походу подходил конец, состоялась трогательная встреча 7-го полка с Командованием. Комполка, заключенный в объятие Командующего Ким Ир Сена, плакал и плакал.

В каком-то году Ким Ир Сен читал роман «Суровый боевой район». На том месте, где описывалась гибель О Чун Хыба, он испытывал столь острую душевную боль, что не смог читать далее, отложил книгу в сторону и провел без сна всю ночь напролет, думая о нем, давно ушедшем из жизни.

Бой в Люкэсуне уезда Дуньхуа, послуживший моментом для достижения победы на первом этапе обходного ма-

невра крупными отрядами в 1939 г. в период антияпонской вооруженной борьбы, вместе с гибелью О Чун Хыба вписал в историю корейской революции яркую страницу о духе самоотверженной защиты вождя и боевых подвигах 7-го полка, бойцы которого ценой жизни защитили Командование – штаб корейской революции в годы антияпонской революционной борьбы.

Люкэсунские лесоразработки находились в густом лесу в уезде Дуньхуа. Это был один из важных пунктов поставки японским захватчикам стратегических материалов. На работу здесь было мобилизовано более 600 рабочих под охраной свыше 70 человек из лесной полиции. Возле лесоразработок было сооружено 6 фортов, размещено 4 станковых пулемета. Лесоразработки обнесены деревянной оградой, внутри установлены три слоя колючих проволок с прикрепленными к ним пустыми банками.

Эта боевая операция была организована Командующим Ким Ир Сеном. Ее цель – рассредоточив и ослабив силы противника, сосредоточенные на северо-востоке от горы Пэкту и в бассейне реки Туман, создать благоприятную ситуацию для будущего рейда КНРА на территорию Кореи. Он твердо поверил в решимость О Чун Хыба совершить налет на вражеские казармы и взять центральный форт противника. И 7-му полку было поручено соответствующее боевое задание.

Группа прорыва, созданная из ловких и находчивых бойцов, незаметно пробралась через отверстие под поставленной оградой и бесшумно разрезала трехслойные колючие проволоки. Бойцы полка ползли вовнутрь по открытому группой проходу. А тут создалась неожиданная ситуация: при разрезании последней заградительной проволоки шаталась прикрепленная к ней пустая жестяная банка, издавая звуки. Станковый пулемет на вражеском форту заработал.

О Чун Хыб немедленно дал команду: «В атаку!» Он вместе с бойцами 7-го полка, не дав противнику опомниться, молниеносно заняли форты и казармы. Ошалевший от неожиданного натиска противник укрывался в потайных подземных ходах, выкопанных под казармами.

Комполка приказал бойцам собрать у входов вату и сжечь ее. Заклубился дым и проник во входы. Враги не выдержали и стали выползать наружу.

Победа бойцов полка становилась все очевиднее, а тут произошло неожиданное несчастье. Укрывшиеся в подземелье под ногами партизан, недобитые враги, отчаянно сопротивляясь, стреляли вверх. Из-за этого погибли талантливые командиры 7-го полка. И О Чун Хыб, получивший смертельную рану, погиб.

В своих мемуарах «В водовороте века» Ким Ир Сен пишет:

«Когда раненый Ким Чхоль Ман появился передо мной и, горько рыдая, передал мне трагическую весть о гибели О Чун Хыба, я не поверил своим ушам.

Но когда это подтвердилось, то я был вне себя от горя и ярости и, крича: «Где убийца О Чун Хыба, не прощу убивших его!», побежал в сторону вражеской казармы.

Я при любых муках привык сдерживать себя перед бойцами, но в тот день, действительно, тормоза у меня отказали. Ведь это был столь любимый нами О Чун Хыб! И поныне при воспоминании об этой утрате у меня дрожит сердце. В тот день мы уничтожили много врагов и захватили множество трофеев, но мне все было немило. Наверное,

никогда наши бойцы не испытывали такую гнетущую боль в душе, как в то время».

Из рода О Чун Хыба, кроме него, около 20 человек отдали свою жизнь борьбе за освобождение Родины. В прошлом по всему району Цзяньдао слыла наиболее патриотической, революционной именно семья О.

Командир с обликом воина регулярной армии

«Дерзание, лишенное доверия, – не что иное, как блеф», – таков был духовный настрой, девиз всей жизни у Чвэ Ён Чжина, ветерана антияпонской войны, слывшего в дни борьбы против японского империализма бесстрашным бойцом, воспитанным великим Ким Ир Сеном.

В своих мемуарах «В водовороте века» Ким Ир Сен характеризовал его как знаменитого вояку, человека, сильного дерзанием, как веселого балагура.

Отец его раньше служил в Армии независимости. И оттого сыну пришлось переживать немало невзгод. В свои молодые годы его отец, движимый стремлением бороться против японских захватчиков, за спасение Отечества, создал в Маньчжурии отряд Армии независимости и пошел на противоборство с япошками. Его отряд был известен как победоносный в боях с противником на просторах Маньчжурии.

Перепуганная этим японская военщина лезла из кожи вон, чтобы взять живьем его. За его голову были даже объявлены денежные премии. Шли дни и годы, но вражеские козни и карательные операции оказались безрезультатными.

Озлобленные япошки бросились в дом Чвэ Ён Чжина, сожгли его вместе с его матерью и старшим братом. Страшное пламя охватило дом. Он вместе с младшими братишками горестно звали мать и старшего брата в полыхающем пламени.

Японские варвары со злобой орали: «Видишь, детки. Хочешь не подохнуть, как они, – иди в горы и приведи твоего батьку!» В то время Чвэ Ён Чжину было не больше пяти лет.

Но он до мозга костей осознал варварство японских палачей, которые с дикой физиономией хохотали после убийства.

После того, как деятельность Армии независимости пошла к закату, его отец хотя горел стремлением спасти Отечество, но зарыл оружие в землю. Сын в раннем возрасте вступил в партизанский отряд Северной Маньчжурии, чтобы отомстить врагу за смерть матери и старшего брата и осуществить отчий замысел о спасении Родины.

Однажды в середине декабря 1940 г. ему, командиру одного из североманьчжурских отрядов в Баомадинцзы в китайском уезде Ляохэ, посчастливилось встретиться со связным, посланным Ким Ир Сеном. Связной передал ему приказ Командующего КНРА об участии отряда Чвэ Ён Чжина в военно-политической подготовке, организованной с целью во всеоружии встретить великое событие освобождения Родины.

Какой долгожданный час! Чвэ Ён Чжин был так рад, что крепко взял руки связного. Да и то сказать, ему, сражавшемуся 10 лет в поддержку линии на развертывание антияпонской вооруженной борьбы, намеченной Ким Ир Сеном, давно очень хотелось бороться поблизости от него.

Он быстро привел в порядок ряды своего отряда и, несмотря на жестокий мороз, преодолев далекий путь в 400 с лишним километров, прибыл на учебную базу, где находился Ким Ир Сен. На встрече с ним Чвэ Ён Чжин был так сильно взволнован, что только сказал «Товарищ Командующий!», и не мог больше говорить.

Ким Ир Сен со светлой улыбкой на лице обращается к нему: «Очень рад с вами познакомиться», и пожимает ему руку и, предлагая ему сесть, говорит: «Мы с вами встретились сегодня впервые, но я до этого много слышал о вас

через многих товарищей из Северной Маньчжурии».

Ким Ир Сен спрашивает его, сколько ему лет. В ответ: 25 лет. Ким Ир Сен, послушав его ответ, с явным удивлением рассказывает: я думал, что вам много лет, потому что товарищ Чвэ Хён мне сказал: «Это Чвэ-шаоу», а теперь я вижу пред собой молодого человека. Слово «шаоу» – человек с усиками под носом. Чвэ Ён Чжин, явно смущенный, говорит: «Мой отец, бывший начальник отряда Армии независимости, отращивал усы. Оттого все мои братья были с усами». Ким Ир Сен громко хохотал.

Собеседник, глубоко тронутый его простотой, рассказал ему обо всем, о чем он не очень часто упоминал, – о делах своей семьи, о своем отце, который и после отмирания Армии независимости достал и послал партизанам большое количество продовольствия и оружия, за что его убили япошки.

Выслушав его, Ким Ир Сен помолчал, наверное, от острой душевной боли, а затем проговорил: ваш отец – глубоко убежденный патриот, который отдал всю свою жизнь борьбе против японских самураев.

Его слова были такими скромными, откровенными и задушевными, что Чвэ Ён Чжин тут же с жаром сердца излил всю свою душу:

– Товарищ Командующий! Признаться, не знаю, чем я могу, этот Чвэ-шаоу, вам полезен. Но я готов оставаться вашим верным подчиненным. Очень прошу вас, не думайте оторвать меня от вас!

Его сердце тронули безграничная скромность, простота Командующего, его широкая душа, доброта и задушевность. Он в простой военной форме, не отличающейся от обычной командирской, относится к своим солдатам без всякой дис-

криминации… Все это овладело душой Чвэ Ён Чжина, который считал себя бойцом твердой воли.

Имя его как лихого бойца стало греметь с той поры, когда он показал себя смельчаком в бою, в котором были полностью уничтожены начштаба японской Квантунской армии и другие высокопоставленные офицеры, а также сопровождавшие их сотрудники, которые совершали инспекционную поездку на моторном катере.

…Однажды отряд Чвэ Ён Чжина получил от местной организации срочную информацию о том, что начштаба японской Квантунской армии отправится на инспекционную поездку на катере по реке Ролихэ. Этот японский начштаба слыл наиболее жестоким, проклятым врагом. Ненависть народа к нему была бесконечная.

Чвэ Ён Чжин срочно создал штурмовую группу из 16 бойцов. Группа тронулась в путь к трем часам в предрассветное время. Форсированным маршем преодолев 32-километровый путь, бойцы прибыли на берег реки к 7 часам. Сразу по прибытии он велел бойцам протянуть поперек реки под водой уже подготовленный стальной канат, а затем быть в засаде на гребне небольшой горы у речного берега.

Моторка противника появилась в назначенное время. На палубе – 6 пулеметов, по шоссейной дороге следуют за ней более 200 охранников врага.

Моторный катер, спускавшийся вниз по течению реки, наконец, зацепился за канат и остановился. В тот миг партизаны обрушили на головы врагов шквальный огонь и за несколько минут закончили бой. Было убито 20 старших офицеров, в том числе и начштаба Квантунской армии, и 50 охранников. Партизаны захватили на судне несколько пулеметов и большое количество другого оружия. Они с трофеями отошли от речного берега и устроили засаду на обеих сторонах дороги, по которой идет вражеская охрана следом за катером.

Когда отряд противника попал в поле огня, партизаны с открытием сосредоточенного огня начали громко кричать врагам: «Жить хочешь – сдайся!» Все солдаты противника сдались.

С этим боем его имя стало широко известным. И после того боя он, взяв с собой 23 бойцов, молниеносно взял одну из т. н. «неприступных крепостей» японских войск и вызвал восхищение у людей…

Ким Ир Сен сказал ему: предстоящая военно-политическая подготовка с ее основой – учениями регулярных войск имеет целью еще более укреплять КНРА в военно-политическом отношении для активного проведения боевых операций по освобождению Родины, она служит этапом закладки фундамента для создания будущих регулярных революционных вооруженных сил. Вы имеете большой опыт партизанской борьбы, продолжал он, а также командирские навыки, и я надеюсь, что вы будете играть солидную роль в учениях.

Чвэ Ён Чжин поклялся делать все, чтобы оправдать оказанное ему доверие и ожидания Командующего, и начал проявлять активность в боевой и политической подготовке. Лихой боец из Северной Маньчжурии безмерно гордился тем, что ему счастливилось учиться у выдающегося Полководца боевому мастерству регулярных войск и принять участие в боевых действиях.

Прошло чуть больше одного месяца после начала военно-политической подготовки. Однажды Ким Ир Сен, руководивший учениями бойцов, после занятий позвал к себе Чвэ Ён

Чжина и других командиров.

Успех учения, сказал он, всецело зависит от командира, исполняющего программу занятий. Сейчас отдельные бойцы не поспевают за требованиями преподавателей. По этому поводу некоторые командиры колеблются или намереваются решить этот вопрос путем привлечения отсталых к ответственности. Это неверно. Чтобы предотвратить подобные порочные тенденции и поднять уровень учений на одну ступень выше, надо иметь правильную методологию. Поэтому я намереваюсь теперь создать образцовое показательное подразделение и по его примеру проводить учения. Каково ваше мнение?

Командиры были согласны с ним. Ким Ир Сен обращается к Чвэ Ён Чжину: мне хотелось бы 1-ю роту, которой командуете вы, сделать образцовой. Вы в этом уверены?

Чвэ Ён Чжин, человек неуступчивого характера, тут же уверенно ответил: «Все будет сделано!» Ким Ир Сен прислушивался и к мнениям других командиров. Затем он, ознакомляя Чвэ Ён Чжина с нужными мерами для создания образцового подразделения, говорит: сделать свое подразделение образцовым – это дело отнюдь не из легких, но не стоит считать это дело трудным. Все зависит от того, как возьметесь за дело вы как командир.

Ким Ир Сен советует:

«Прежде всего надо делать так, чтобы во всех сторонах жизни – от соблюдения ежедневного распорядка до содержания казармы, ухода за ней и дисциплинированности – четко показались черты регулярной армии. Воинскую службу следует нести по требованиям правил и наставлений, порядок на ней должен быть четким. Лишь тогда можно будет приобрести облик регулярной армии, добиться

успехов в учебе и боевой подготовке. Сейчас весь личный состав затрудняется привыкать к учениям регулярных войск и их воинской службе. Поэтому предлагается с самого начала предъявить к нему высокую требовательность, настойчиво провести занятия и вместе с тем неустанно разрабатывать нужную методологию».

Для этого, продолжает он, вам следует с большим рвением взяться за дело. Мы поможем вам, и вы попробуйте по-настоящему вести дело, вдохновил он комроты.

Со следующего дня Чвэ Ён Чжин начал прилагать все свои усилия для превращения своей роты в образцовое подразделение. Делал все так, как учил Ким Ир Сен. Обновил оборудование в казарме и пополнил его новым. Строго контролировал дело соблюдения распорядка дня по требованиям регулярных войск. День и ночь старался показать всему отряду яркий пример в политической и боевой подготовке.

Ким Ир Сен тщательно заботился о том, чтобы его рота во всех сферах жизни постоянно шла впереди как образцовое подразделение. Так, однажды он сам на поле тактического учения ознакомил комроты с тактическими приемами более успешного выполнения революционной армией боевого задания при меньших потерях. И в политзанятиях он посоветовал сделать главный упор на изучение линии корейской революции, ее стратегии и тактики.

Все это помогло ему вырасти талантливым командиром, обладающим военными знаниями регулярной армии и широким кругозором.

Однажды Ким Ир Сен позвал к себе комроты и узнавал у него, как проводится на днях час культурной жизни.

Комроты отвечает: «Вначале определенное время прово-

дились эти мероприятия. Каждый день проводился этот час, и, естественно, постоянно выступали лишь один-два певца и танцора. Было нудно, надоедало – и этого часа не стало. Зато в этот час направляю на поле учения бойцов, недовыполнивших днем задания боевой подготовки, – или индивидуально, или в порядке отделения».

Ким Ир Сен с хмурым лицом опять спрашивает комроты: вы участвуете в культурных мероприятиях того часа?

Комроты не мог ответить. Было ясно, что это его мало интересовало, и он редко участвовал в культурных мероприятиях.

На лице собеседника он словно все читал и, не ожидая ответа, говорит: вы теперь пока еще плохо знаете, какие серьезные ошибки вы допускаете. Как мне кажется, вы к этому делу относитесь по-своему. Вы знаете, что час культурной жизни – такой: проводить – хорошо, не проводить – и тоже сойдет? Это не только дисциплина в революционной армии. Это, знаете, важный политический вопрос, связанный с боевым духом бойцов. Революционная армия должна всегда жить романтикой и оптимизмом. Где революционная армия – там всегда должны быть песни и танцы. Революционная и оптимистическая жизнь приводит бойцов к благородному, высокому духовному миру, рождает у них беспримерное мужество и самоотверженность.

Чвэ Ён Чжин до того думал: пусть солдат с ружьем воюет на славу – и все. Комроты искренне раскаялся в своих проступках.

Глядя на него, Ким Ир Сен добавляет: широкий размах культурной работы устраняет у бойцов чувство скуки, дает им жить полнокровной жизнью и еще активнее участвовать в учениях. Дадим им петь песни и танцевать. Пусть всегда тайный лагерь будет в живых ритмах. Помните, и в дни партизанской борьбы пели песни и танцевали. Зачем в нынешних условиях жить без песни, без танца?

Им были приняты конкретные меры для придания динамики эмоционально-культурной жизни и художественной самодеятельности бойцов. Было приобретено немало струн музыкальных инструментов, кожи домашних животных, необходимой для изготовления барабанов, и губных гармоник через местных политработников-подпольщиков.

Атмосфера жизни в отряде еще заметнее изменилась. Бойцы, полные уверенности в освобождении Родины, больше проявляли энтузиазма в учениях. Прошли десятки лет, но Чвэ Ён Чжину было приятно воспоминать о лунном вечере в тайном лагере, где бойцы в присутствии Командующего пели песни и танцевали.

Глубокая забота великого Полководца Ким Ир Сена выковала из Чвэ Ён Чжина более зрелого военно-политического работника. Он, успешно выполнив свои обязанности в последней наступательной операции по освобождению Родины, показал хватку лихого бойца из Северной Маньчжурии.

Возвращенная любовь

Ветераны антияпонской войны, боевые друзья Кан Ви Рёна называют его «Кан-медведь» за необычную отважность. Такое прозвище было созвучно его богатырскому телосложению.

Он родился в крайне бедной семье. В мае 1933 г. он вступил в партизанский отряд с клятвой отомстить врагу за третьего старшего брата, погибшего в бою за оборону какой-то опорной партизанской базы.

Свирепые вихри «антиминсэндановской» борьбы бросили его в пучину неимоверных жестоких бурь. Что касается «Минсэндана», то это была организация шпионов и прислужников врага, состряпанная в феврале 1932 г. империалистами Японии с целью раскола революционных рядов. Через некоторое время было вскрыто ее нутро, и она была распущена. Однако левацкие оппортунисты и шовинисты, выдвинув вывеску «ликвидации реакционеров» как предлог для реализации своих политических амбиций, провели работу по ликвидации «Минсэндана» в крайне левацком русле.

Эта кампания провелась по безрассудному принципу: подвесишь к ушам – серьги, нацепишь на нос – кольцо. Патриоты, революционеры, ни в чем не повинные люди с ярлыком «минсэндановец» подверглись расправе и были изгнаны из насиженных мест. С проклятием в адрес составителей этого убийственного сценария и его исполнителей те, кто с искренней душой делал революцию, были вынуждены покинуть опорную партизанскую базу, созданную и защищенную ценой крови их самих, и расходиться врозь в разные стороны.

В то суровое время и Кан Ви Рёна, подозреваемого в причастности к «Минсэндану», насильственно оторвали от жены Ким Хвак Сир. И ему приходилось в разных местах жить в разлуке с женой.

Только глубокая забота, огромное доверие Ким Ир Сена вернули несчастному Кану потерянную любовь. И он стал на путь борьбы с противником, зачислившись в новую дивизию, созданную из подозреваемых раньше в причастности к «Минсэндану».

В сентябре 1936 г. полк, где состоял Кан Ви Рён, во время похода в Цзяохэ получил приказ Командующего Ким Ир Сена – прибыть в тайном лагере в Хэйсяцзыгоу, где находилась Ставка Командования. Прошло несколько дней.

Ознакомившись с положением дел в полку, Командующий вызвал к себе в бревенчатый дом Кан Ви Рёна. Он удивился – словно был во сне.

Ким Ир Сен говорит ему: о тебе я много слышал, и я тебя хорошо знаю.

Кан сказал ему все о себе, о том, какой жизненный путь он прошел. Выслушав собеседника, Ким Ир Сен рассказывает: ты ни в чем не виноват. Каких переживаний было много у тебя! Как было много таких, как ты, которому без вины пришлось пострадать! При мысли об этом мне просто больно в душе!

Глубоко тронутый его теплыми словами собеседник не мог сдерживать хлынувшие слезы: «Товарищ Командующий!» Крепко взяв ему руки, Ким Ир Сен еще раз утешает его: теперь не беспокойся, ведь это дело прошлое.

Командующий напоминает ему о совещаниях в Дахуанвэе и Яоингоу, где пошла речь об «антиминсэндановской» борьбе.

Обращая свой нежный взгляд на него, Ким Ир Сен спрашивает:

«Твоя любимая, насколько мне известно, Ким Хвак Сир?»

Он удивился: как же ему, Командующему, известно имя моей жены? Прочитав на его лице смущение, Ким Ир Сен говорит: она сейчас не здесь, а вдалеке отсюда в десятках *ли* в стороне Хэншаня, в швейном отряде в интендантском тайном лагере. Иди туда, встречайся с женой. С тобой я направлю проводника.

Боец, совсем растерянный, говорит: «Спасибо! Но сейчас не могу, потом, попозже».

Командующий со светлой улыбкой на лице объясняет: если направить туда посыльного, чтобы она сама пришла сюда, то время встречи вдвое позже будет. И поэтому тебе лучше бы самому пойти туда. Ты можешь встретиться с ней потом, а мне-то нельзя равнодушно смотреть, как тоскует и худеет Ким Хвак Сир из-за тебя. Больше не скажи. Иди, иди немедленно.

Его голос звучал как повелительный.

Боец с увлажненными глазами обращается к Командующему:

– Не могу. Пока еще не закончено формирование строя. Как же мне теперь пойти на встречу с женой?

Вникнув в его душу, Командующий дает ему приказ: слушай, тебе дам такое задание – иди туда вместе с партизанками 2-го полка, работай в швейном отряде для шитья зимних ватников бойцов. Не думай вернуться до полного выполнения задания, иначе накажу.

Так состоялась их встреча, конечно, трогательная. Задание шитья военной формы выполнено. Теперь Ким Ир Сен дает ему новое задание – построить еще один бревенчатый дом для Ставки Командования.

За два дня построен хороший сруб его искренним трудом. Его отличило столярское умение – он мог бы только при помощи одного топора за одну ночь построить дом. Боец доложил о выполнении порученного задания Командующему. Он, осмотрев сруб, высоко ценит его столярское мастерство и предлагает: «Ты, товарищ Кан, с сегодняшнего дня живи в этом доме вместе с женой». Боец, удивленный этим, не поверил своим ушам. Командующий ему говорит: с самого начала я об этом думал для вас, многострадальной супружеской пары.

И им был предоставлен новый дом. Командующий проявлял о нем большую заботу и оказал ему глубокое доверие – весной 1937 г. он был назначен пулеметчиком комендантской роты Ставки Командования КНРА.

Было это, когда КНРА перешла к действиям небольшими отрядами. Однажды небольшой отряд из взвода пулеметчиков Ставки Командования был в походе. На каком-то месте Командующий приказал бойцам отдохнуть, а он покинул бивуак, чтобы провожать партизанку, уходящую в одиночку с заданием связного.

Ей было очень жаль расставаться с Командующим. Он подробно рассказывал о том, на что ей следует обратить внимание на пути, где находится пункт связи, каковы методы встречи. Он провожал ее на изрядно далекое расстояние.

При возвращении с ним в бивуак Кан Ви Рён вдруг почувствовал за ним присутствие человека. Обращает взор украдкой в сторону – и видит: их преследуют японские солдаты, рыскавшие до того в лесу.

Пулеметчик тихим голосом говорит: «Товарищ Командующий! За нами – враги. Я прикрою вас. Раздастся выстрел – вы быстрее отойдите».

Пулеметчик нарочно замедляет шаг и, когда в определенном расстоянии отошел от него, вдруг повернулся назад и открыл пулеметный огонь по япошкам, потихоньку следовавшим за ним. Под его огнем упало несколько вражеских солдат. Пулеметчик, перемещаясь, порой огнем привлекал к себе внимание врагов, чтобы Командующий безопасно отошел в другую сторону.

Ему удалось немного бежать, и тут ему слышались выстрелы со стороны, куда ушел Командующий. И он остановил шаг и бежал в ту сторону. Видит – Ким Ир Сен, перемещаясь от одного ствола дерева к другому, стреляет в сторону противника.

Пулеметчик, устремляясь вперед, обрушивает шквальный огонь на врагов и, охраняя Командующего, вместе с ним бежит в другую сторону.

Противник, убедившись в своем численном перевесе, отчаянно пустились в погоню за ними. Пулеметчик бежит вслед за Командующим – и вдруг перед ними оказался крутой обрыв. Заметив мгновенное колебание бойца, Командующий крикнул ему: «Товарищ Кан, за мной!», и сам полетел вниз под обрыв. Боец немедленно следовал его примеру. Прыгнули они вниз в какую-то впадинку, к счастью, в которой толстые слои опавших листьев.

Кан Ви Рён, уточнив безопасность Командующего, оглянулся вокруг и, вдруг подняв лежащий рядом огромный валун, прикрыл им Командующего. Боец сам удивился, не зная, какая сила дала ему поднять такую скалу.

Немного погодя подбежали враги и в оба глаза оглянулись по сторонам, но им так и не удалось найти следы исчезнувших. Разъяренные, они беспорядочно стреляли вниз, а затем гурьбами мчались в другую сторону.

Изрядно долго держась в неподвижной позе, Кан внимательно следил за обстановкой и, наконец, убедился, что все враги ушли далеко. Лишь в тот миг боец силился сбросить с себя поднятый вверх валун, но не смог – как будто все его тело окаменело.

Тут Ким Ир Сен помог ему с величайшим трудом высвободиться от тяжести огромной скалы. Пулеметчик, может, весь выбившись из сил, тут же свалился наземь.

Командующий, массажируя его руки и ноги, говорил: «Товарищ Кан, немножко отдохнем, затем пойдем. Слышал, что прозывают тебя «Кан-медведь», но я не понял, какой ты большой силач. Сегодня я увидел настоящего силача», и громко хохотал.

В те минуты бойцы небольшого отряда, услышав выстрелы, подбежали к ним, обеспокоенные безопасностью Командующего. Узнав обо всем, они были рады увидеть Командующего здоровым, не могли скрывать слезы от волнения.

Ким Ир Сен, с улыбкой глядя на подошедших бойцов, говорит: по-вашему, товарищи, скажите, пожалуйста, сколько человек надо для поднятия этого валуна? Знаете, сегодня ваш комвзвод один поднял вверх вот эту скалу и защитил нас от вражеских пуль. И мы, как видите, оказались невредимыми.

Так Кан Ви Рён считал защиту великого Ким Ир Сена, окружившего его глубокой любовью и доверием, высокой миссией своей жизни и борьбы.

Вера в освобождение Родины

– У меня сейчас нет глаз, но я вижу победу революции!

Так сурово воскликнула японским палачам корейская партизанка Чвэ Хи Сук перед своей смертью, хотя они выкололи ей глаза.

Мировая история антиимпериалистического национально-освободительного движения помнит неисчислимое множество примеров варварских репрессий колонизаторов против участников национально-освободительного движения сопротивленцев. А в ней не найдешь вышеупомянутого факта.

Чвэ Хи Сук была славной дочерью нашего народа, национальной героиней, рожденной в вихрях антияпонской войны. Она была, говорят, красавицей. Спрашивается: что помогло ей, кажется, женщине хрупкой воли, высказать такие грозные слова, полные твердых убеждений, – те, которые загнали зверских палачей в страх и трепет?

В детстве она вместе со своими родителями переселилась в китайский уезд Яньцзи. Однако никто, ничто не спасли детство и девичество миленькой дочки из моря слез.

Доченька, лишившаяся в три года родной матери, росла вместе с отцом-батраком в нужде и голоде. После замужества она под влиянием мужа, члена революционной организации, встала на стезю борьбы за возвращение потерянной Родины.

С весны 1931 г. она вместе со своим мужем окунулась в океан революции. Вначале в уезде Яньцзи отдалась делу комсомола и Общества женщин, сама по велению своего сердца работала с солдатами китайского антияпонского отряда, что способствовало формированию объединенного антияпонско-

го фронта.

Во всех делах, в борьбе она была человеком неугасимой страсти и твердой воли. Но ей приходилось переживать, действительно, невыносимые для любой женщины бедствия и страдания.

Злодеяния японских карателей причинили ее семье большие бедствия: безжалостно были убиты от их рук родители мужа; муж, революционер, попавший в лапы к самураям, был заточен за решетку. Осталась у нее лишь одна родная доченька.

Вверить ее на чье-то попечение было невозможно. И, неся ее на своей спине, приходилось целый день работать в подполье. Доченька, конечно же, не могла нормально кормиться и спать. И незаметно для других мать была бы вынуждена проливать слезы. Судьба привела к тому, что она лишилась и даже маленькой любимой доченьки.

Однако она ничуть не поколебалась: заменила все бедствия и душевную боль чувством отмщения врагу ее семьи, ее родных, надеждой на торжество революции. И она, стиснув зубы, встала на путь борьбы.

В 1932 г., когда во многих уездах Восточной Маньчжурии один за другим рождались антияпонские вооруженные отряды, она вступила в уезде Яньцзи в АНПА. Она как повариха и швея урывками неустанно совершенствовала искусство стрельбы и стала, наконец, метким стрелком.

Весной 1936 г. она зачислилась в главную часть КНРА, ведомую великим Ким Ир Сеном, о встрече с которым так мечтала. С той поры ей довелось поблизости от Командующего сражаться с противником.

Ким Ир Сен поручил ей, партизанке, ответственной за

выполнение любых революционных задач и отличающейся безмерной любовью к товарищам, работу руководителя пошивочного подразделения главной части КНРА. Оказанное ей глубокое доверие она оправдала своей самоотверженностью.

Это было в один из дней Трудного похода 1938 г. Командующий Ким Ир Сен, обходя бивуак, заметил, что она, отогревая коченеющие руки, чинит порванную одежду товарищей по оружию, и восхищался ее человеческими качествами, высоким чувством морального долга.

Все партизанки звали ее старшей сестрой. Многие партизаны тоже звали так.

Когда-то Ким Ир Сен о ней вспоминал: «И по возрасту Чвэ Хи Сук доводилась нам старшей сестрой. Она была старше меня на несколько лет».

В обществе боевых друзей, говорил он, называли ее старшей сестрой не только по возрасту; она всегда была примером для других во всем – и в будничных делах, и в выполнении заданий. А в добавок к этому заботилась о своих боевых друзьях – и еще как!

Она не могла переступить даже порог школы, но отличалась политической зрелостью и большим организаторским умением. Поэтому Командующий часто давал ей трудные поручения.

Осень 1939 г. Ким Ир Сен, вынашивая замысел об обходном маневре крупными отрядами главных сил КНРА, ускорял процесс подготовки к нему. К тому времени для проведения запланированной новой операции прежде всего было важно сшить зимнее обмундирование бойцов.

Он объяснил героине антияпонской войны Ким Чен Сук, Чвэ Хи Сук и другим партизанкам-швеям важность предстоя-

щей боевой операции и подчеркнул необходимость сшить за один месяц сотни комплектов зимней формы для бойцов отряда.

Получив от него приказ, она говорит:

– Товарищ Командующий! Вы можете не беспокоиться. Мы, швеи, вместе с Ким Чен Сук и другими во что бы то ни стало сошьем военную форму в срок.

И с того дня она взялась за выполнение поручения.

Однажды Ким Ир Сен посещает тайный лагерь, где трудятся партизанки-швеи. Видит – у них пальцы рук в отеках и волдырях. Болеющий душой за это, он через несколько дней приказывает ординарцу привезти швеям речной мальмы, толстолобика, пшена и чумизы. Его глубокая забота придала им бодрости и силы.

Она, многоопытная швея, взяла на себя закройку военной формы разных размеров. Ей пришлось закроить огромное количество мундиров лишь с одними ножницами, и у нее рука распухла, была в волдырях. Однако она вместе с Ким Чен Сук день и ночь трудились с полной отдачей сил, и, наконец, была закончена работа на 10 дней раньше срока.

При награждении отличившихся в выполнении этого задания Ким Ир Сен подарил ей золотое кольцо и карманные часы.

Она, очень смущенная, говорит:

– Ведь сколько людей потрудились, чтобы сшить военную форму! Не одна же я, а только мне такую особую награду...

Она дала себе клятву: как не изменяется цвет золотого кольца, так и всю жизнь не буду изменять своим убеждениям, буду любой ценой защищать Командующего, оставаться верной ему до последнего дыхания и идти только дорогой ре-

волюции.

К февралю 1941 г. малый отряд Чвэ Хи Сук была в трудном походе, чтобы возвратиться в Ставку. Нужно было срочно передать Ставке полученные важные развединформации.

Давно кончилось у них продовольствие, им приходилось продолжать поход в горах. Все они измотались и крайне так устали, что не могли дальше шагать. В таком состоянии они столкнулись с вражеской карательной экспедицией, в ходе которой враг, словно частым гребнем, прочесывал все горы и сопки. Империалисты Японии, с бешеной яростью прибегая к подготовке боевых действий в тихоокеанском театре, попытались укреплять свой «тыл». Они, совсем разъяренные от активных действий отрядов КНРА, перебросили в большом количестве вооруженные силы на эту лихорадочную карательную операцию.

Малый отряд, в котором состояла она, увидел врагов после того, как они уже окружили партизан. Обнаружив их, противник отчаянно преследовал его со шквальным огнем.

Чвэ Хи Сук, бежавшая со своим отрядом, получила сквозную рану в ногу и упала. И другие бойцы несли ее на спине во избежание вражеской погони. Враги все налетали на партизан. Была критическая ситуация. Она познала, что из-за нее замедляется движение отряда, и очень попросила одного из бойцов оставить ее.

Но боевые друзья не могли этого делать. У них ни разу не было такого случая, чтобы они оставили товарища у противника. Они бросились только вперед, крепче взяв на спине раненную пулей, которая всячески старается высвободиться от них. Враги подходили к ним ближе и еще ближе. Вражеские пули свистели мимо ушей.

Партизаны сделали поворот в другую сторону, а они столкнулись с врагами, которые бросаются с обеих сторон. Бойцы, скрыв раненую под скалой, пошли в бой с поднимающимся противником.

А враги, следующие за маленьким отрядом партизан в окружении, наконец, увидели и захватили партизанку.

Враги привезли ее в один из поселков, и их приспешники заставили жителей собраться. Враги кричали:

– Эй, посмотрите! Захвачена женщина-коммунистка.

Партизанку свалила сильная жажда от сквозной раны в ногу. Придя в себя и сжав губы, она встала с места и с жаром сердца говорит:

– Скоро Родина будет освобождена. И корейцы вернут себе потерянную Отчизну!

Враги, совсем растерянные, разъяренно заставляли ее молчать. Однако она, колотая штыками врага, продолжает свой рассказ.

Враги, насильственно распустив собравшихся жителей, привезли арестованную в тюрьму одного из японских консульств. Подвергали ее зверским пыткам, чтобы узнавать о действиях малого отряда, о тайнах партизан. Никакие варварские пытки не смогли сломать ее волю. Палачи прибегали к соблазнам:

– Вы, знаешь, все равно что пена в бурях морских волн. С какой силой вы можете воевать и победить великую японскую империю? Выдай тайну – будешь жива.

Партизанка с твердой уверенностью говорит им:

– Сволочи! Вам кажется, что вы так сильные? Сейчас вы, гады, идете к закату. Это смотрят глаза коммунистов!

Япошки, фашистские палачи, привели арестованную пар-

тизанку в армейский госпиталь.

Они поняли, что никакие пытки, никакие соблазны не в силах поставить на колени одну партизанку КНРА. Озлобленные, они выкололи глаза у нее.

Лишившись глаз, в струе крови на лице она гневно выкрикнула:

– У меня сейчас нет глаз, но я вижу победу революции!

Перепуганные насмерть враги, как звери, набросились на нее и вырезали у нее сердце: хотели, видимо, посмотреть, каково сердце у коммуниста.

Позже Ким Ир Сен, получив известие о ее смерти, душой очень болел за это и не мог сдерживать хлынувшие горечи.

С тех пор утекло много воды.

Не было ни одного фотоснимка, который помог бы показать ее представителям грядущих поколений.

Ким Ир Сен предложил показать ее портрет в рисунке в Музее корейской революции и поставить ее бюст на Мемориальном кладбище революционеров.

Он указывал: «Вижу победу революции!» – не всякий может сказать так. Так могут говорить только те, кто убежден в правоте, справедливости своего дела. Это поистине крылатые слова, и их могут произнести только борцы, отличающиеся непоколебимой верностью делу революции. Она женщина-революционерка, которая вполне достойна стоять в первом ряду революционеров, преодолевших суровые испытания.

Семь слогов, оставленные в последние минуты жизни

Спросите: «Что за человек Ма Дон Хи?» и услышите в нашей стране даже от малолетних детей: «Это павший революционер, который сам отрезал себе язык, чтобы сохранить тайну революционной организации».

Осенью 1936 г. большое число молодых людей вступили в ряды главных сил КНРА. Среди них был и молодой человек по имени Ма Дон Хи, пришедший из далекого края Кореи.

В своих мемуарах «В водовороте века» Ким Ир Сен пишет:

«Он был со мной примерно полтора года. Это был преданный партизан, пользовавшийся всеобщей любовью. На счету его во время партизанской жизни, однако, почти не имелось таких случаев или эпизодов, которые запечатлелись бы в памяти людей».

Он был тихий и обычный: не выделялся от других. Но он с детства ни в чем и никогда не шел на компромисс с несправедливым, циничным, бессовестным.

Об этом можно узнать через эпизод в его годы обучения в начальной школе.

Его классный руководитель в годы обучения в начальной школе был типичный обыватель без проблеска совести педагога. Успеваемость воспитанников он оценивал несправедливо – не по уровню их знаний, а по степени дружбы или, наоборот, неприязни. Детям крупных взяткодателей, богачей, влиятельных лиц всегда ставил щедрые отметки, независимо от их знаний.

Чтобы выделить своих любимцев, тот, даже глазом не моргнув, снизил отметки отличникам. Когда Ма Дон Хи дошел до выпускного класса, учитель отнюдь не расстался со своими дурными привычками. Чтобы сделать первым отличником сына какого-то влиятельного толстосума, сунувшего ему немалую взятку, он позволил себе занизить оценки Ма Дон Хи на экзамене по истории. А ведь тот был первым учеником класса по всем предметам.

Ма Дон Хи оскорбился поведением учителя и, не задумываясь, подошел к нему и потребовал показать себе экзаменационный листок. Вместо того, чтобы удовлетворить его требование, учитель Чо, классный руководитель Ма Дон Хи в ученичестве, обругал его, называя грубияном, и дал ему пощечину. Тогда гнев Ма Дон Хи взорвался. Он, сам заявив об уходе из школы, разорвал в клочки табель успеваемости на глазах учителя и вернулся домой.

Его отец Ма Хо Рён не желал, чтобы единственный сын покинул школу уже в юные годы и ушел в люди решать житейские проблемы. Показывая сыну фуражку ученика начальной школы, купленную днем на базаре, отец говорит:

– Сынок мой, жалко мне видеть тебя с обнаженной головой. И вот я только что купил тебе фуражку. А ты вдруг говоришь, что бросишь школу и займешься земледелием. Что за чепуха! Учитель, конечно, на стороне детей из богатых семей, он смотрит в рот влиятельным родителям. Это, сынок, дело обычное. А ты набросился на учителя с придирками. Чего ты хочешь? Иди-ка к классному руководителю и попроси у него прощения!

Но сын не уступил. Он не позволил и даже отцу подойти к учителю.

Позже Ма Дон Хи и этот учитель пошли разными путями. Если первый, став участником сопротивления той эпохи, встал в ряды патриотов, то второй, учитель Чо, перестав учительствовать, скатился в пучину предательства и измены. Он стал полицейским, а затем его повысили в должности – он стал полицейским агентом. Из кожи вон лез, выслеживая патриотов. Первым объектом его наблюдения стал именно Ма Дон Хи. Он с яростью следил за каждым его шагом, каждым действием. Он был готов при неимении веских улик придумать «дело» и повести Ма Дон Хи в место казни.

Чо неотступную слежку за Ма Дон Хи начал тогда, когда он, переправляясь через реку на землю Чанбая, действовал под влиянием КНРА. Однажды Ма Дон Хи встретился там с партизанским представителем и получил согласие на прием в отряд. На обратном пути он неожиданно столкнулся с Чо, который в напряженной позе стоял на краю моста через реку Амнок. Колючим взглядом он впился в Ма Дон Хи. Тот сразу заметил что-то неладное, но спокойно и невозмутимо вернулся домой, чтобы собираться в путь.

В тот день мать на прощание подала сыну, уходящему в горы Пэкту, кашу. Однако он даже не успел взять ложку. Пришлось в спешке покинуть дом, так как во дворе явились Чо с полицейскими. Они пришли арестовать Ма Дон Хи. Но тот выскользнул из дома через черный ход и благополучно переправился через реку Амнок.

После того он вступил в отряд главных сил КНРА. В июне 1937 г. в бою на горе Коуюйшуйшань уезда Чанбай недалеко от поля боя Ма Дон Хи увидел того самого полицейского агента Чо. Теперь он участвовал в карательной операции против партизан и, чудом уцелев, дал тягу. Увидев Ма Дон Хи, Чо в

панике начал беспорядочно палить. Ма Дон Хи быстро расправился с этим наглым японским прихвостнем, продавшим Родину, нацию, своего бывшего ученика.

Ма Дон Хи был таким человеком, и он за короткий срок после вступления в революционную армию мог вырасти в отличного бойца.

1937 год был периодом бурного развития антияпонской революции. Национально-освободительная борьба и коммунистическое движение в Корее, вступившие в полосу исторического перелома в фарватере могучих волн, вызванных продвижением главных сил КНРА в район гор Пэкту, шли по пути подъема с необычайной глубиной, с широким размахом.

Все дело пошло на лад. В это самое время корейская революция столкнулась с брошенным ей грозным вызовом.

Враг, состряпав так называемое «Хесанское дело», начал в широком масштабе поднимать вихри репрессий против революционных сил. Это происходило, когда главные части КНРА, которые лично повел Ким Ир Сен, покинув район гор Пэкту, действовали в китайских уездах Фусун и Мэнцзян. Враги жестоко громили подпольные организации, созданные КНРА немногим более чем за год после вступления в район гор Пэкту. Многие революционеры были арестованы и осуждены.

Уже в ходе неоднократных массовых арестов враги посадили за решетку сотни, тысячи патриотов. Сколько людей погибло от вражеских пыток в тюремных застенках, просто не перечислять!

Этот инцидент нанес серьезный удар корейской революции.

Ким Ир Сен немедленно созвал чрезвычайное заседание Партийного комитета КНРА, на котором были обсуждены

меры по спасению революционных организаций от грозящего кризиса в связи с «Хесанским делом» и по дальнейшей активизации процесса партийного строительства и организационного строительства ЛВР.

В ходе первой волны арестов врагам удалось бросить за решетку большинство членов руководящего актива района Чанбая. Рекламируя свои «успехи», они уверяли, будто им удалось окончательно перерезать все жизненные артерии корейской революции, но далеко не все подпольные организации были разгромлены. Было немало тех, которые, вырвавшись из вражеских лап, скрылись в чужих краях или в горной глухомани, руководство Союза национального освобождения Кореи (СНОК) во главе с некоторыми членами руководящего актива по-прежнему здравствовало и действовало.

Ким Ир Сен направил в Корею в первую очередь Ма Дон Хи, который за короткий срок после вступления в армию вырос в отличного борца и за плечами которого имел неоднократную подпольную работу в стране. Задачей было отыскать скрывающийся руководящий состав и через него собрать информации о состоянии пострадавших организаций, принять меры для возрождения разрушенных.

Непосредственно получив задание от Командующего, Ма Дон Хи в один из декабрьских дней 1937 г., ночью вступил внутрь Кореи, прорвав пограничные кордоны противника. В поисках членов СНОК он прочесывал одно за другим горные селения в районе уезда Капсан.

В ночь третьего дня, когда Ма Дон Хи начал действовать внутри страны, он своим ночлегом выбрал дом Ким Тхэ Сона, друга-земляка, и, к несчастью, был арестован врагами. Ким Тхэ Сон уже превратился в цепного пса япошек. Когда Ма Дон Хи

зашел к нему в дом, попросился на ночлег, также и обеспечить его питанием, изменник угостил пришельца горячим ужином и постлал ему постель. И тут же донес на него: «У меня дома остановился один. Он – подчиненный Ким Ир Сена».

Ма Дон Хи и Ким Тхэ Сон проводили свои детские и юношеские годы в большой дружбе.

Ким Тхэ Сон перебрался в уезд Чанбай и обучался на курсах. Но когда плата за обучение не позволила ему учиться дальше, Ма Дон Хи помог ему деньгами – передал другу 5 юаня из фонда частной школы содан, чтобы тот мог продолжать учебу. И после этого он помогал другу, как мог – отдавая ему деньги, вырученные от прополки посевов по найму, от продажи дров, от работы нотариусом.

Когда он окончил курсы, его взяли работать писарем сельскохозяйственной станции горной местности. Устроившись на работу, Ким Тхэ Сон навестил мать своего друга.

– Мама! Теперь я стал человеком интеллигентного труда. Могу зарабатывать себе на пропитание. Этим я обязан Ма Дон Хи. Он от души мне помогал. Всю жизнь, до самой смерти, как мне забыть его дружеские услуги!

Крепко верил в эту дружбу Ма Дон Хи. И вот своим убежищем он выбрал дом Ким Тхэ Сона.

Но этот довольно мерзкий Ким Тхэ Сон, изменив и дружбе с другом, и чувству морального долга, без колебания донес на Ма Дон Хи врагам.

Ма Дон Хи, арестованный япошками, связанный проволоками, босиком волочился по снежной дороге в 12 км. Из замерзшей ноги даже не протекла кровь.

Палачи Капсанского уездного полицейского участка, арестовавшие Ма Дон Хи, с целью узнавать о какой-то тайне и совершить подвиг в деле подвергли его варварским пыткам – да еще каким!

Подвергая арестованного пыткам, враги сотни раз обрушивали на него одни и те же вопросы: «Какое задание ты получил? Где же партизаны?» Через неделю они сами прекратили пытки и перевели его в другой полицейский участок – Хесанский.

И в нем Ма Дон Хи подвергался чудовищным пыткам, в числе которых – «одевание в кожаный жилет», «полет на самолете», «поение водой с порошком красного перца», «удаление когтей и ногтей»…

Даже продолжающиеся пытки не могли открыть рот у арестованного.

Полицейские начали слащавыми словами уговаривать его: «Подай заявление. О том, что ты не возьмешь в руки оружие против великой японской империи. Тогда ты будешь на воле», и размахивали перед его глазами ордером на освобождение.

Ма Дон Хи разорвал его в клочки.

Хитрые уловки, наоборот, опозорили их самих. И они повторяли зверские пытки.

В этот раз методы пыток были особые: не дали ему спать и вместе с тем повели крепко связанного арестанта в реку Амнок, заставили его купаться в ее ледяной воде, в яме льдины.

Цель палачей – вложить не спавшего в ледяную воду, а затем, когда он оказался на краю смерти, вытащить из нее и послушивать бред в мутном состоянии, чтобы узнавать о нужной информации.

Дело пошло так, что с того времени арестованный часто терял сознание.

Однажды он, крайне ослабевший физически, лежал не в движении. Он слышал свой голос, сорвавшийся с языка в со-

стоянии несознательности, и вдруг испугался. Придя в себя, он открыл глаза и оглядывался вокруг.

В этот момент у его изголовья слышится холодный и в то же время довольный голос: «Ты, наконец-то, пришел в себя?» Хозяин голоса был полицейский инспектор Чвэ, отвечающий за уголовное дело, связанное с Ма Дон Хи.

Ма Дон Хи как никто другой точно знал местонахождение Ставки партизанского отряда. Он весь дрожал при мысли о возможных последствиях, порождаемых его ошибкой.

Ма Дон Хи, полный твердой готовности пойти на все, с величайшим трудом встал с места и подошел к полицейскому инспектору. И он изо всех сил прикусил и отрезал свой язык, выплевал изо рта сгусток крови ему в лицо и упал на месте.

Палачи, отказавшись от всего намеренного, перенесли его в тюремный лазарет и дальше не показали себя.

Когда арестант оказался на грани смерти, они разрешили Ма Хо Рёну, заключенному в другой камере как заложник, встретиться со своим сыном.

Отец обнял сына, ставшего теперь калекой, не могущим говорить ни одного слова, и у него по щекам текли, действительно, струи слез крови.

Ма Дон Хи потребовал от полицейского, наблюдавшего за свиданием, карандаша и листа бумаги. И он на бумаге, поддерживаемой отцом, написал: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Япошки не сочли нужным устроить суд над таким, по их мнению, ярым коммунистом, как он, и 9 января 1938 г. зверски убили его в тюрьме.

На следующий день после смерти своего сына Ма Хо Рён, сколотив гроб, пришел в Хесан. Поставив на тележку гроб с

телом сына, он шел мимо здания полицейского участка, где встретился с полицейским инспектором Чвэ.

– Эй, старик! – обратился к нему Чвэ. – Везешь мертвого сына? И какое же настроение?

Он, вытирая слезы, проговорил:

– Мой сын Дон Хи погиб в борьбе за независимость Кореи. Так погибли и дочь, и сноха. Погибли они не от кражи японских вещей. Как отец, я горжусь ими!

За эти слова отец Ма Дон Хи был впоследствии арестован. В Хамхынской тюрьме он до последних минут жизни оставался настоящим отцом борца-революционера, патриотом. Не встав на колени перед палачами, он боролся с ними непоколебимо.

Позже, когда утекло много воды, по этому поводу в своих мемуарах «В водовороте века» Ким Ир Сен пишет:

«В свете «Хесанского дела» мне пришлось глубоко задуматься об убеждениях и воле революционера. События тех дней можно назвать величайшим испытанием, проверкой каждого на верность делу революции, испытанием его веры и воли. Инцидент этот, можно сказать, явился своего рода самым суровым экзаменом, в процессе которого можно было различить настоящего революционера и лжереволюционера. Сильные своими убеждениями и волей сумели сохранить верность революционера, победили в поединке с врагами, а люди хрупкой веры и слабой воли забыли о достоинстве революционера, скатились в болото измены и раболепия».

На Мемориальном кладбище революционеров на горе Тэсон рядом стоят бюсты Ма Дон Хи и его матери Чан Гиль Бу. Это говорит о благородном чувстве товарищеского долга

Ким Ир Сена, который высоко оценил заслуги Чан Гиль Бу, отдавшей мужа и всех детей делу национального освобождения, и поставил ее в пример для других.

И сегодня они, находящиеся в памяти нашего народа, вечно живы на вершине Чучжак горы Тэсон.

* * *

Ветераны антияпонской революции – представители первого поколения корейских революционеров, которые в годы антияпонской вооруженной борьбы глубоко почитали Ким Ир Сена, окруженные его заботой, выросли героями.

Исстари говорят: «В войсках, возглавляемых выдающимся военачальником, не существует слабого воина».

Им, лишь изливавшим свои обиды за обреченную на гибель страну, великий Ким Ир Сен верил как своим товарищам и, проявляя любовь и доверие к ним, выковал из них достойных борцов за революцию, храбрецов в борьбе с империалистами Японии. Эстафета священной истории корейской революции, начатой вождем, несется в надежных руках и сегодня.

СИЛОЙ ЛЮБВИ И ДОВЕРИЯ

Редактор: Тхак Сон Ир

Перевел: У Чон Хван

Издательство литературы на
иностранных языках

Выпущено в июле 2025 г.

ㄱ-250880327141

E-mail: flph@star-co.net.kp
http://www.korean-books.com.kp

ISBN 978-9946-0-2453-0